

АННА МАЛЫШЕВА

Нежное дыхание
смерти

ДЕТЕКТИВ

Анна Малышева

Нежное дыхание смерти

«АСТ»

2008

Малышева А. В.

Нежное дыхание смерти / А. В. Малышева — «АСТ», 2008

Ей дорого пришлось заплатить за право любить. Сперва – утратить иллюзии, затем – душевный покой, ну а дальше... Даша, медсестра наркологического центра, пытается выяснить, отчего погиб в Венеции, во время карнавала, ее возлюбленный – талантливый скульптор. Она ведет собственное расследование и заходит слишком далеко... На ее пути появляются люди, с которыми трудно спорить.

© Малышева А. В., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Анна Малышева

Нежное дыхание смерти

Глава 1

Мужчина сидел прямо на камнях мостовой, прислонившись спиной к парапету набережной. Длинные ноги, обутые в тяжелые ботинки, он подобрал под себя, так что не мешал редким прохожим сворачивать с набережной канала на мост Риальто. Лицо его украшала белая карнавальная маска. Из-под светлой, сильно испачканной куртки виднелась голая грудь. Длинные русые кудри, падающие на плечи, были темны от короткого предрассветного ливня, пролившегося над Венецией и смывшего все хмельные следы карнавала. О дожде сейчас не напоминало почти ничто – город был необычайно тих, чист и пуст. А может, казался таким после десяти дней карнавного безумия.

– Обрати внимание, – говорила маленькая американка с ярко-голубыми глазами своему спутнику. – Город вымер. Я не узнаю Венецию!

– Ты ее тут же узнаешь, как только покажут счет в гостинице, – буркнул он в ответ, борясь с одолевающей его зевотой. – Я сдохну, если не выпью кофе... Голова раскалывается!

– Не надо было пить то скверное вино, – упрекнула его девушка. – Мне тоже нехорошо... Смотри, вот еще одному не повезло!

Она кивнула на мужчину, сидевшего у парапета.

– Жертва пищевого отравления, – хладнокровно заметил ее знакомый. – Слушай, этот тип отморожит себе одно место, если не пойдет спать к себе в отель. Давай-ка разбудим его.

– Синьор! – Девушка осторожно склонилась над мужчиной. – Вставайте, очень холодно! Ричард, он меня не слышит...

Парень склонился и потряс мужчину за плечо. Что-то, видимо, не понравилось Ричарду, потому что он тут же отдернул руку.

– Слушай, Сюзан, синьор-то совсем ледяной.

– Замерз? – сострадательно спросила девушка. – Конечно, никому из этих венецианцев и в голову не пришло поинтересоваться, что с ним такое. Он ведь не итальянец?

– Не знаю, – ответил парень. – Эй, друг, вставай!

– Мне страшно! – взвизгнула девушка. – Ричард, сними с него маску.

– За это можно схлопотать по морде, – заметил тот, но все же протянул руку и осторожно взялся за низ белой маски. Не встретив со стороны мужчины сопротивления, Ричард продолжил начатое дело и сдвинул маску ему на лоб. Глазам американцев открылось лицо, почти такое же бледное, как маска, которая его закрывала. Самыми яркими местами на этом лице оказались круги под закрытыми глазами – темные, почти черные. Все же остальное – щеки, губы, опущенные веки – было ослепительно-бледным и совершенно неподвижным.

– Что с ним? – сдавленным голосом спросила девушка. – Ричард, позовем кого-нибудь. Нет, не трогай его! – остановила она движение приятеля, который попытался растолкать незнакомца. – Ричард, пойдем поищем кого-нибудь! Врача, карабинера! Все равно!

Внезапно раздалась итальянская речь, и оба резко обернулись.

Перед ними стоял карабинер, неизвестно какими судьбами оказавшийся этим утром возле моста Риальто. Ни парень, ни девушка не видели за время карнавала ни одного представителя итальянского правопорядка и уже успели вообще забыть о том, что таковые существуют, поэтому появление карабинера их ошеломило. Но тут же они вспомнили, что карнавал как-никак кончился и обыденный жизненный уклад вступил в свои права.

Первым пришел в себя парень. Он решительно указал на незнакомца и произнес:

– Вот!

Карабинер и сам уже видел, что «вот», и потому дальнейших разъяснений не потребовал. Он наклонился и сделал несколько легких хлопков по щекам мужчины. От этих манипуляций голова последнего упала на грудь, и стало ясно, что в горизонтальном положении незнакомец чувствует себя уверенней. Он упал.

Девушка вскрикнула. Парень обернулся и обнаружил присутствие еще нескольких зрителей, которые стояли поодаль и оживленно переговаривались, показывая пальцами на тело у парашюта. Карабинер нехорошо посмотрел на американцев.

– Он не с нами, – на ломаном итальянском принялся объяснять Ричард. – Он был здесь, когда мы пришли.

Рядом возник еще один карабинер. Представители закона обменялись оживленными репликами, после чего первый принялся вызывать по рации какого-то Джулиано, а второй сделал попытку отогнать любопытных, которые уже приблизились к парашюту на расстояние нескольких шагов.

– Виа! Виа! – прокричал он.

Американцы старательно прислушивались к тому, что говорили между собой полицейские, пока им не удалось разобрать слово, повторявшееся чаще всего. «Морто!» – говорил карабинер в рацию. «Морто!» – отгонял зевак его товарищ. «Морто! Морто!» – слышалось в толпе. Парень сжал руку своей подружки.

– Сюзан, он мертв, – пробормотал он. – Вот тебе и каникулы, мама миа!

– Нам вечером улетать! – испугалась та. – Они ведь не задержат нас, Ричард?! Какой ужас!

А по Канале-Гранде уже приближались, рассекая тяжелую серую воду, два полицейских катера. Девушка плотнее запахнулась в куртку и притихла.

Американцев не задержали. Час спустя они уже сидели в кафе на площади Сан-Марко и уныло пили утренний кофе. Синее небо над лагуной постепенно затягивалось плотными облаками. Резкий февральский ветер катал по площади остатки карнавального хлама – маски, серпантин, разноцветный бумажный мусор. Еще через полчаса снова хлынул ливень, но американцев в кафе уже не было. Они ушли упаковывать чемоданы.

А мужчина, найденный рядом с мостом Риальто у Немецкого склада тем утром, 16 февраля, лежал в в полицейском участке и с терпеливостью, свойственной всем мертвецам, ожидал, когда установят его личность. Личность довольно скоро была определена, что, однако, никого особенно не порадовало.

– Русский! – с досадой произнес комиссар Арицци, вбрасывая в рот сигарету и шаря по столу в поисках зажигалки. – Этого мне только не хватало... Пусть им занимается Интерпол!

– Мы все хотим того же, комиссар! – фамильярно заметил его помощник Нино. – Но Интерпол пальцем не пошевелит, пока не будет доказано, что парень – международный преступник. Помнишь, мы пытались спихнуть им голландца?

Напоминание о голландце не улучшило настроение комиссара. Карнавал прошел для него невесело – за десять дней пришлось удостовериться в том, что жена окончательно потеряла к нему интерес. Сейчас он больше всего хотел знать, к кому она этот интерес обрела, но возможности выяснить это пока не представлялось. Русский турист волновал его очень мало.

– Вот, комиссар, что говорит Джакометти. – Нино постучал согнутым пальцем по листку бумаги. – Парня звали Демин...

– Ужасно, – отметил комиссар, исчезая в клубах дыма. – Это имя или фамилия?

– Кто их знает? – вздохнул Нино. – Нет, вроде фамилия. А имя – Ар-ка-дий...

– Что он тут делал? – спросил Арицци, проникаясь ненавистью к обладателю заковыристого имени, ворвавшемуся в его личную жизнь в мирное февральское утро. – Турист, конечно?

– Вот и нет, комиссар. – Нино провел пальцем по листку. – Джакометти говорит, работал у него в мастерской, ну, знаешь, у Палаццо-Грасси.

– У меня нет монет, чтобы заказывать маски у Палаццо-Грасси, – не совсем впопад ответил комиссар, тщетно пытаясь вспомнить, что именно сказала ему жена ночью. «Ты мне надоел»? «Хватит издеваться надо мной»? «Нам нужно развестись»? «Это невозможно переносить, – подумал комиссар. – Фульвия сошла с ума этой зимой, но я ее вылечу... Узнать бы только, кто у нее завелся...»

А Нино тем временем продолжал:

– Парень приехал месяц назад из России, чтобы научиться делать карнавальные маски. Приспичило ему, видишь ли...

– Да? – рассеянно откликнулся Арицца. – В другое время не мог приехать?

– Джакометти говорит, парень хорошо поработал. – Нино рассматривал листок. – Сделал несколько статуй и послал их своему заказчику в Россию. Претензий он к русскому не имеет. Очень удивился, когда узнал, что с ним случилось. Говорит, парень собирался домой.

– Он немножко опоздал, – пробурчал комиссар, постепенно собираясь с мыслями. – Слушай, Нино, пусть Джакометти явится сюда часам к двум, когда станет ясно, что стряслось с парнем.

– Я и сейчас скажу, комиссар. – Нино скривился. – Страшно смотреть, клянусь, все руки в синяках, вот отсюда досюда...

Арицци поморщился и кивнул.

– Наркотики, ребенку ясно, – подтвердил он. – Ну, если только выяснится, что он ими приторговывал во время карнавала, – прощай, русский! Им займется Интерпол!

– Хорошо, комиссар. – Нино закурил и взял в руку телефонную трубку. – Я звоню Джакометти и приглашаю его к двум часам.

– Будь вежлив, – предупредил Арицци. – Нет ничего хуже, чем иметь дело с аристократами. Смотри не нажимай на него... Если будет нужно, я найду, через кого его прощупать.

Когда Луиджи Джакометти, хозяин крупнейшей в Венеции мастерской по изготовлению карнавальных масок, явился в комиссариат, эксперт уже дал предварительное заключение.

– Он умер от слишком большой дозы некачественного наркотика, – сообщил комиссар вызванному свидетелю, закуривая десятую за день сигарету. Жена до сих пор не позвонила ему, и он все больше убеждался в том, что она и не позвонит. – Демин этой ночью наширлся так, что впору трем наркоманам сразу.

Джакометти – полный, очень бледный человек с оплывшим лицом – кивнул, не сводя с комиссара сонных водянистых глаз. Глаза были того же цвета, что лагуна в феврале – серосиние, нечистого оттенка и такие же холодные. Комиссар, слушая его тяжелое, прерывистое дыхание, подумал, что человек этот очень болен и ему стоит уехать из Венеции. «Нам всем стоит уехать, – малодушно заключил он, опять вспомнив ночной разговор с женой, но заставил себя переключиться. – Во сколько обошелся ему этот костюм?»

– Вы знали, что Демин кололся? – в упор спросил Арицци.

Джакометти медленно кивнул.

– Да, знал, – просвистел он своим ненатуральным, игрушечным голосом. – Русский кололся каждый день, но притом работал как зверь. Меня не касается эта история, комиссар.

– Конечно, – согласился тот. – Меня тоже. – Джакометти на миг прикрыл глаза, и комиссар понял, что он разозлился. Однако хозяин мастерской ничем этого не выдал. Напротив, заговорил еще спокойней.

– У меня обучаются десятки скульпторов в год, – свистел и задыхался он. – Из всех стран. Из Америки, из Китая, из Японии, из Скандинавии... У меня обучались и русские. Он заранее написал письмо, мы договорились об оплате за обучение и практику. Он сам выбрал пору карнавала.

– Странное время, так ведь? – подхватил комиссар. – Чему он мог научиться, когда мастерская завалена заказами и времени в обрез?

Джакометти пожал плечами и медленно вытащил из кармана шелковый цветастый платок. Методично отер им щеки и шею и возвел к потолку синие глаза.

– Я даром денег с него не брал, – снова засвистел он. – Русский научился всему, чему хотел. Я предлагал остаться на некоторый срок после карнавала, чтобы закрепить навыки, но он отказался.

– Обучение влетело в копеечку, а? – Арицци растянул губы в улыбке. – Сколько он заплатил?

– Три с половиной тысячи долларов, – скромно отозвался Джакометти. – Месяц обучения в мастерской. Практика. Диплом, все, что полагается. Он знал, зачем ему это нужно, не так ли? Я не заставлял его приезжать сюда, верно? Я поздно узнал о том, что он наркоман, а то бы не согласился принять его даже на три дня... Что поделаешь?

На лице Джакометти появилось нечто похожее на улыбку, но комиссар не был уверен, так ли это на самом деле.

– Мне очень жаль, – продолжил хозяин мастерской. – Надеюсь, все обойдется без последствий.

– Без последствий уже не обойдется, – мрачно возразил комиссар. – Он иностранец.

– Я понимаю, – вкрадчиво протянул Джакометти. – Я имел в виду репутацию мастерской. Нельзя ли не упоминать ее в прессе?

– Пока я не собираюсь ничего упоминать в прессе, – заявил Арицци. – Нино, ты переписал?

– Да, комиссар, – официально отозвался тот, выглядывая из соседней комнаты и показывая ему бумаги. – Все данные на Демина, да упокоит Мадонна его душу... У него хотя бы не было детей.

Джакометти сохранял непроницаемое выражение лица, комиссар же уточнил:

– Жена была?

– Да, есть жена, и даже не с таким ужасным именем, – отозвался Нино. – Алла. Вполне съедобно.

– Сообщите жене, пожалуйста, – оживился Джакометти. – Я совершенно не знаю, что ей сказать. Кроме того, я ведь не обязан это делать, верно? Разговор с Петербургом стоит недорого...

– Мы сообщим, – кивнул Арицци. – Скажите, Демин имел друзей такого же пошиба? В вашей мастерской или еще где-нибудь?

– Что вы имеете в виду? – отозвался Джакометти, неприязненно глядя на него.

– Наркоманов я имею в виду. – Комиссар терял терпение. Нино весело подмигнул ему из соседней комнаты, но тому уже трудно было сдержаться. – Неужели вы не замечали, с кем он проводит время? У кого покупает наркотики?

Джакометти оскорбленно выпрямился на стуле.

– Я не нанимался следить за наркоманами, – свистнул он возмущенно. – Если русский и сошелся с кем-то, то не у меня. Я не держу у себя гадости. Спрашивайте у какой-нибудь из этих шлюх мужского пола, что шляются по Сан-Марко!

– Так он из этих?! – не выдержав, встрял Нино. – Вы уверены?

– Я, юноша, уверен только в том, что не стоит искать наркотики у меня в мастерской. Подумать только! Слава Венеции! Традиции трех веков! Меня знают во всем мире, и никто не смеет сомневаться в моей непричастности к таким гадостям!

– Прошу вас, успокойтесь, – миролюбиво произнес комиссар. – Нино, пойдй погуляй! Никто не говорит, что наркотики могли покупаться у вас в мастерской. Более того, я абсолютно уверен в вашей непричастности ко всему случившемуся. Парень погиб из-за собственной глупости.

пости и вы тут ни при чем! Я только хотел бы узнать, у кого он мог приобрести некачественный наркотик и с кем проводил время весь этот месяц...

– Значит, хотите опросить моих работников? – Джакометти сменил гневный тон на усталый. – Пожалуйста, только подъезжайте к концу рабочего дня, у нас еще несколько заказов.

– Заказы? – удивился Арицци. – Но ведь карнавал уже кончился?

– Многие хотят увезти маски на память, – пояснил хозяин мастерской. – Я не допущу, чтобы заказ был сорван. Мне довольно того, что случилось. Люди станут болтать об этом целый день, а работать будет некому. Очень прошу, не тревожьте их сегодня.

– Хорошо, постараемся, – ответил комиссар, едва сдерживаясь. – Если дело позволит. Но предупреждаю вас, если окажется, что парень торговал наркотиками, огласки не избежать. Вами станет заниматься Интерпол, а им-то не стоит рассказывать про венецианскую славу! Что касается меня... – Комиссар сделал паузу и перевел дух. – Как всякому венецианцу, мне прекрасно известно, какое значение имеет ваша мастерская. Прошу извинить.

Джакометти молча поднялся и вышел, опираясь на толстую вызолоченную палку весьма карнавального вида, совершенно не вязавшуюся с его безупречным голубоватым костюмом.

«Этот полутруп одевается у Версаче, – подумал комиссар. – А Фульвию я убью!»

В мастерскую они наведались поздно вечером. Весь персонал был еще там, как и обещал Джакометти. Шесть мастеров, девять подмастерьев и один уборщик безмолвно взирали на полицейских, которые также безмолвно оглядывали помещение мастерской.

– Я в нокауте, комиссар, – прошептал Нино. – Какие рожи!

При этом он имел в виду не персонал, а слепки с масок, в изобилии украшавшие стены и горами наваленные на столах. Мастерская размещалась в полуподвале, и здесь ощутимо чувствовалась сырость. Арицци закурил, не спросив разрешения, и перевел взгляд на один из столов, который, по-видимому, недавно был очищен от картона и гипса. На этом столе стояла черная дорожная сумка, а на сумке – пара мужских ботинок.

– Его вещи, – сказал один из мастеров, встретив взгляд комиссара. – Все, что он оставил.

– Где они были? – спросил Арицци, не вынимая сигареты из рта.

– В его комнате, – пояснил мастер. – В комнате рядом с мастерской, где он жил.

Комиссар обернулся к Джакометти.

– Да, он жил тут же, – кивнул тот. – Как и все, кто приезжает на обучение. Мы могли бы их расселить и в другом здании, но там часто не бывает воды. Здесь, по крайней мере, он мог помыться.

– Если хотел, – отозвался кто-то, и комиссар отыскал говорившего глазами.

– Что это значит? – спросил он. – Русский что же, не мылся?

– Он даже не всегда ел, – продолжал молодой подмастерье. – Ему нужны были только наркотики, больше ничего.

– Все об этом знали? – уточнил Арицци.

– Об этом трудно было не знать. – Парень пожал плечами. – Он ведь мог колотиться у всех на глазах.

– И тем не менее работал? – удивился комиссар.

– Да... Работал... – ответил ему дружный хор голосов.

– А где его работы? – Комиссар огляделся по сторонам. – Он делал что-то в таком же роде?

– В таком же роде ему было не нужно, – пояснил мастер. – Он делал гротескные скульптуры, если знаете, что это такое.

Комиссар нахмурился.

– Это что-то вроде вот таких штук, – пришел ему на помощь Нино. Он указал на небольшую статую, изображавшую странное существо, с птичьим клювом, львиными лапами и кро-

кодилым хвостом. Остальные части тела тоже были позаимствованы у разных животных, но Арицци не смог бы сказать, у каких именно.

– Русский приехал в Венецию, чтобы обучиться делать что-то подобное? – спросил он после некоторого раздумья. – Ему необходимо было именно это?

– Наши понятия о прекрасном не всегда совпадают с понятиями о нем других людей, – вежливо заметил ему Джакометти. – Вы, как истинный венецианец, понимаете красоту карнавальной маски, даже уродливой. Это у вас в крови. Подобные же статуи не являются собственно венецианскими, но что делать? – Он развел руками. – Именно они пользуются огромным спросом в качестве сувениров. Мы изготавливаем их едва ли не в большем количестве, чем сами маски. Венецианцы их не покупают... – Он тонко улыбнулся. – Это для туристов.

– Понятно, – ответил комиссар, не отводя глаз от статуи. – О вкусах не спорят. И много он сделал таких вот работ?

– Что-то около десяти, – ответил Джакометти. – Могу вам признаться в частном порядке, что качество этих статуй меня не удовлетворяло, но, в конце концов... Это вопрос таланта...

– Скорее – добросовестности, – поправил его самый старый мастер. – Он больше думал о наркотиках, чем о работе, иначе сделал бы больше и лучше... Талант у него был, и несомненный.

– Тем хуже для него, – пробурчал Арицци. – Теперь перейдем к делу. Когда он был здесь в последний раз?

Общими усилиями вспомнили, что Демин исчез из мастерской накануне вечером. Можно сказать – в самый разгар работы. Джакометти пояснил, что именно заключительный день карнавала бывает самым напряженным – даже те туристы, которые до сих пор не обзавелись масками, в последний момент желают их заиметь. Заказы сыплются потоком, мастерская работает в очень напряженном режиме. Ни у кого нет времени смотреть по сторонам. Русский исчез незаметно. Его всегда тянуло на наркотики к вечеру, когда основная работа уже была закончена. Потом он приходил из города и спал, а утром принимался за дело снова.

– У него были наркотики с собой или он покупал их у кого-то? – задал ключевой вопрос комиссар. Ответ он получил самый философский.

– Неужели для вас новость, что в Венеции можно приобрести все, что душе угодно? – мягко заметил подмастерье, который собрал вещи Демина. – Он мог купить отраву. Деньги у него были.

Перешли к вопросу о деньгах. Выяснилось, что Демин расплачивался исключительно наличными, о какой бы сумме ни шла речь. У него всегда были при себе деньги, и он охотно угощал коллег по мастерской в кафе или пиццерии.

– Вы сообщили его жене? – вкрадчиво поинтересовался Джакометти.

– Еще нет, – ответил комиссар, нехотая вспомнив Фульвию. – Но скоро сообщим. Нам надо знать, что говорить ей.

– Комиссар, а вы не слишком усложняете? – мягко спросил хозяин мастерской. – Скажите, если бы это был не русский, а итальянец, как мы с вами, что бы вы сделали?

– Я сказал бы, что парень сам виноват, и положил бы дело на полку, – отозвался комиссар. – Но это иностранец, и мне надо убедиться, что его никто не убивал.

– А что показала экспертиза?

– Смерть в результате дозы некачественного наркотика, – на этот раз ответил Нино. – Парень потерял чувство меры – обычное дело для наркоманов. Рано или поздно они уже не понимают, что вытворяют с собой. Им кажется, что доза в самый раз, а на деле ею слона можно убить.

– Нино, отнеси вещи в катер, – приказал Арицци. – И возвращайся быстрее. Осмотрим его комнату. Проводите меня, синьор Джакометти.

Тот с тяжелым вздохом поднялся с кресла и двинулся в глубь помещения. Комиссар пошел за ним.

– Вот. – Джакометти остановился перед запертой дверью в конце коридора. – Это его комната, но ключа у меня нет.

– У кого ключ? – обернулся комиссар к сопровождавшему их персоналу мастерской, сгоравшему от любопытства. – Кто-нибудь имеет запасной ключ?

– Я, – радостно отозвался уборщик – молодой парень заморенного вида. – Я убирал там. Ну и бардак же у него всегда был!

– Вчера или сегодня убрали?

– Я был на Сан-Марко! – гордо возвестил парень. – Я пришел только сегодня к вечеру!

– Отоприте! – приказал Арицци и пропустил уборщика вперед.

Тот, волнуясь от сознания собственной значимости, поковырялся в тугом замке и распахнул дверь настежь.

– Вот!

Комиссар шагнул в комнатенку. Огляделся и хмыкнул:

– Да, это не отель «Даниель Эксельсиор»! Вы уверены, что убрали тут хоть когда-нибудь?

Парень гордо кивнул.

– Три дня назад, – уточнил он. – Но это все равно бесполезно. Наркоман, я ведь вам говорю.

Комнатка представляла страшное зрелище. Заношенное белье кучей валялось в углу. Стол украшали оплывшие огарки свечей. Комиссар, нахмурившись, смотрел на них.

– Здесь не было света, – пояснил Джакометти. – Проводка, знаете ли, старая...

– Проводка времен Казановы, – подтвердил внезапно вернувшийся Нино. – Комиссар, я не думал, что у нас в Венеции столько населения. И по крайней мере половина собралась перед мастерской.

– Чего они хотят? – ужаснулся Джакометти. – Комиссар, вы обещали!

– Я ничего никому не сообщал, – отрезал Арицци, продолжая оглядывать комнату. – Нино, позаботься о том, чтобы синьора Джакометти не беспокоили.

– Они не уйдут, – сделал гримасу Нино. – По-моему, что-то узнали журналисты. Карнавал кончился, и они перед мертвым сезоном хотят чем-нибудь поживиться... Представляю заголовки! «Русских убивают!», «Смерть в Венеции!», «Скульптор-наркоман встретил утро 16 февраля в маске!».

Джакометти посерел.

– Комиссар, я на вас надеялся, – продолжал он. – Моя мастерская ни при чем.

– Скажите это журналистам, – пожал тот плечами. – Черт, как жаль, что сегодня именно шестнадцатое! Все они еще крутятся в Венеции. Не будь карнавала, никто бы ничего не узнал. Я сожалею, синьор Джакометти.

Пока он расшаркивался с хозяином мастерской, Нино обшарил комнату. Это не отняло много времени – мебели было всего ничего: стол, стул, кровать и умывальник с мраморной доской, вделанной в стену. Из-под кровати Нино выдвинул какую-то посудину, неосторожно открыл ее и тут же захлопнул, переводя дух.

– Мадонна! – простонал он, тяжело дыша. – Ну и свинья же был этот Демин, упокоится он с миром!

– Что такое, Нино? – бросил в его сторону комиссар, продолжавший толковать с хозяином.

– Это ночной горшок! – не унимался тот. – Давно я такого не видел!

– Ничего удивительного, здесь нет канализации, – спокойно пожал плечами Джакометти, на губах которого возникла чуть заметная улыбка. – Мы все страдаем из-за средневековой планировки, не так ли?

– Как истинный венецианец, не могу с вами согласиться, – язвительно заметил Арицци. – Я нахожу прекрасным все, что говорит о нашей исключительности и самобытности. Даже если это ночной горшок.

– Ну, так далеко я в своей преданности родному городу не захожу, – еще милее улыбнулся Джакометти. – Комиссар, вы все осмотрели? Мы можем уйти?

– Пока – да, – сказал комиссар, бросая беглый взгляд на часы. – Нино, у тебя все?

– Все, – отозвался тот, моя руки под краном. Вода, как ни странно, шла. – Нет наркотиков, зато есть восемьсот шестьдесят пять долларов. У парня не было нужды в деньгах.

Джакометти наострил уши, и комиссар рассердился на помощника, который порой был излишне откровенен в присутствии посторонних. Однако сейчас выговаривать ему за это некогда – надо возвращаться в управление и разузнать у доктора подробности смерти Демина, если таковые появились. Потому Арицци только кивком позвал Нино к выходу. Дверь они за собой заперли, и комиссар попросил в комнату не входить. Полицейские покинули здание и в молчании уселись в катер. Только тут Арицци снова открыл рот:

– Твое мнение, Нино? Мы в этом деле лишние или нет?

– Лишние, комиссар, – лениво ответил тот, закуривая и глядя на канал несколько осоловевшими глазами. – Парень подох от наркотиков, но я могу поклясться, что он ими не торговал. Знаешь, на кого он похож? На человека, который внезапно дорвался до денег и не смог удержаться... Баракло у него паршивое, не похоже, что он располагал такими деньгами, чтобы платить за обучение и прочее... Думаю, комиссар, что он получил за работу деньги и сорвался...

– Получил где? – уточнил комиссар, прерывая поток домыслов Нино. Тот часто пускался в такие фантазии, что невозможно установить – где реальность, а где вымышленные им самим факты. – Не в Венеции же? Иначе откуда бы он взял деньги на обучение? Джакометти говорит, заплатил сразу.

– Очень просто, комиссар, – выпустил дым Нино и мгновенно поменял версию. Дым тут же рассеивался на резком ветру, дувшем ему прямо в лицо. Нино поднял воротник штатской куртки. Форму он носил в очень редких случаях. – Он приехал уже набитый бабками, как все они, русские... Может, оделся похуже, чтобы тут не обчистили, ведь знаешь, как бывает...

Арицци кивнул:

– Это точно, они специально рядятся в оборванцев, русские денежные мешки. Так ты думаешь, что парень был не так беден, как прикидывался?

– Как дважды два, комиссар! – улыбнулся ему помощник. – И вот он приезжает; учится делать этих уродцев, до поры до времени держится, а потом срывается.

– И этому способствует карнавал?

– Конечно!

– Верно, все как будто дуреют в это время. – Арицци вспомнил жену. – Я сам тоже... А ты?

– О, я нет! – Нино отрицательно помотал головой. – Нет возможности, комиссар! Итак, этот парень сорвался раз, другой, третий, потерял чувство меры, купил дрянь вместо наркотика!

– Послушай, чтобы дойти до всего этого, большого ума не надо, – несколько раздраженно заметил комиссар. – Но вот что, Нино... Как он мог столько сделать, находясь в подобном состоянии?

– О, комиссар! – Помощник помахал рукой. – Разве это невозможно? Я знал одного парня, он расписывал туристам физиономии на Сан-Марко, тот работал под такой наркотой... А все же работал!

– Одно дело – физиономии, другое – скульптура. Для этого требуется точность руки, глазомер, наконец, трезвость мысли... Да просто физическая сила. Откуда все это у наркомана?

– Он русский, не забывайте. Никогда не знаешь, чего от них ждать. Может, он всегда так работал. Под кайфом!

– Ладно, – проворчал Арицци. – По крайней мере, мы знаем, что наркотиков у него не было. Он ими не торговал. Интерполу дело не спихнешь.

– Не бери в голову, комиссар! – дружески посоветовал Нино. – Скоро мы избавимся от парня! Мало ли таких помирает ежедневно в Венеции! Будь это итальянец, мы бы уже закрыли дело, правильно сказал Джакометти... Забавный, кстати, старик.

– Куда уж забавней! – буркнул комиссар. Дело и вправду переставало его занимать. Арицци все больше убеждался, что речь идет об обыкновенной смерти в результате передозировки. Теперь он выслушает в управлении, что скажет врач, а потом... Потом отправится к Фульвии... Если она, конечно, дома. А если нет? У кого тогда ее искать? Ее мать живет в Генуе, Фульвия могла отправиться к ней... Оттуда, издалека, ей будет лучше ставить условия. Сколько раз уже так бывало. Но захочет ли она того же и на сей раз? Что случилось с женщиной после тридцати лет, уму непостижимо! Опасный возраст...

– Приехали, комиссар! – вывел его из оцепенения голос Нино, несколько охрипший на ветру. Полицейские вылезли из катера и вошли в управление.

Через полчаса Арицци получил окончательное медицинское заключение.

– Как мы и думали. – Нино удовлетворенно откинулся на спинку стула. – Парень весь нашпигован этой гадостью и колоться явно начал не в Венеции. Комиссар, а вот тут еще интересная штука... – Он провел пальцем по печатной строчке заключения. – На левом рукаве куртки обнаружены два отверстия, сделанные тонким острым предметом... Одно сделано под прямым углом, другое – наискось... Отверстия соответствуют следам от двух уколов на левой руке... На ткани и на коже обнаружены следы того же наркотика...

– Ну и выражаются они! – поворчал комиссар. – Нет, чтобы написать – колотся через одежду. Я был прав, парень опустил, раз дошел до такого!

– Какое варварство... – пробормотал Нино. – Этим типам лень бывает засучить рукава.

– Успокойся, мой милый. – Комиссар закурил и уставился в окно. На улице совсем стемнело. «Позвоню Фульвии, когда все уйдут, – подумал он. – Проклятое дежурство!» А вслух сказал: – Из всего этого можно сделать один вывод – дело закроем быстро. Такими наркоманами мы не занимаемся.

– Может выйти заминка, – возразил Нино. – Я о продавцах некачественного наркотика...

– Наоборот, все будет как обычно. Продавцов все знают. Но они ведь не расколются, пока их за руку не поймаешь... Если бы кто-то из мастерской дал показания... Молчат как рыбы...

– Наркотики, – вздохнул Нино. – Комиссар, я ухожу – меня ждет любимая. Недолго же мы нянчились с этим русским!

– Ему нянька не нужна, – заметил Арицци. – Ему нужна глубокая могила и кто-нибудь, кто бы над ним поплакал.

– Надо сообщить жене.

– Я сообщу, – кивнул комиссар. – Пока, Нино! Обещай, что познакомишь как-нибудь со своей девушкой.

– Она очень застенчивая, – засмеялся тот. – Ни за что не согласится знакомиться.

– Застенчивая – в Венеции? – изумился Арицци. – Тогда женись.

Нино сунул бумаги в стол и, попрощавшись, ушел. Комиссар присел на подоконник и закурил очередную сигарету. Потом набрал номер домашнего телефона, но никто не снял трубку.

– Как я и думал, – сказал он сам себе. Чтобы отвлечься, принялся просматривать карто-теку на торговцев наркотиками. – Этот в тюрьме... И этот... А этот вышел недавно... Черт, половина одиннадцатого.

Он опять позвонил домой и послушал гудки. Трубку никто не брал, но у него было чувство, что жена дома.

В кабинет вошел доктор. У него тоже шли последние часы дежурства – первого после карнавала. Мужчины принялись обмениваться карнавальными впечатлениями. Потом к ним присоединился секретарь из канцелярии. Ему тоже было что порассказать. В частности, о том, как во время карнавала он обольстил чужую жену и как его едва не накрыл за этим делом муж...

– Она привела меня домой! – захлебывался он, упиваясь пикантными подробностями. – Ну, я обработал ее как следует, и тут кто-то открывает дверь...

Комиссар поморщился, доктор хмыкнул. Ни тот ни другой не поверили секретарю, который обожал выдумывать истории про обольщенных чужих жен. В действительности же он был верен своей собственной, которую страшно боялся и которая его безбожно обманывала.

– Ладно, Джанни, – прервал его рассказ доктор. – Про эту жену ты нам, кажется, уже говорил до карнавала. Арицци, что ты будешь делать с русским?

– Что мне с ним делать? Сообщу жене, пусть приедет и заберет его. Выслать его почтой – денег не хватит, да и она может возмутиться... Родственники не любят получать такие посылки.

– Труп без сопровождения не вышлешь, – сообщил доктор всем известную истину. – А вообще-то тебе повезло. Могло быть и хуже. Наркотиков при нем не было найдено?

– Ни грамма.

– Тогда дело чистое, можно класть в стол, – кивнул доктор. – За время карнавала у меня было пять таких случаев. Но этот, конечно, хуже всех. Парень кололся через куртку, смотреть противно.

– Слушай. – Комиссар повернулся к нему. – Ты можешь точно сказать, сколько наркотика он употребил?

– Этого хватило бы на троих. Но по-моему, доконали его именно те дозы, которые были введены через одежду.

– Почему? – немедленно спросил секретарь, вытягивая сигарету из пачки, принадлежавшей Арицци.

– Да потому что уколы явно были сделаны в последнюю очередь, – пояснил доктор. – Трудно себе представить, что парень сначала наширялся до такого состояния, что стал колотиться через одежду, а потом пришел в себя и, аккуратно засучив рукав, сделал последний, смертельный укол прямо в руку...

Комиссар и секретарь закивали в знак одобрения.

– О, такие уколы – последняя стадия, – продолжал врач, радуясь, что может скоротать за болтовней остаток дежурства. – Если уж они начинают колотиться на такой манер – ничто их не спасет!

– За месяц можно дойти до такого состояния? – поинтересовался Арицци.

Доктор отрицательно покачал головой:

– Нет, здесь нужна тренировка... Колотиться он начал не в Венеции, если это тебя волнует...

– Точно, – кивнул комиссар. – Ладно, никому не придет в голову устроить по этому поводу большую охоту на торговцев зельем.

– Разве что кто-то захочет выслужиться, – туманно заметил доктор, показывая пальцем в потолок.

– Русский был большой шишкой? – поинтересовался секретарь.

– Какое там, – отмахнулся комиссар. – Просто скульптор.

– А... – без особого интереса протянул Джанни. – Ладно, я пошел. Возьму у тебя сигарету. Пока!

Вскоре ушел и доктор, посоветовав комиссару не засиживаться и спешить домой, к жене.

«Издавается, что ли? – думал комиссар, глядя ему в спину. – Да нет, пока никто не знает, а когда узнают, то почешут языки... Никто так не любит сплетничать, как венецианцы, это верно...»

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, он принялся вспоминать свои разговоры в мастерской Джакометти. Ничего конкретного, определенного. Сначала его видели все, потом не видел никто. Кололся как зверь, работал как зверь. Малоправдоподобно, надо еще раз поговорить с Джакометти и мастерами. Нет, лучше все-таки с подмастерьями, а еще – с уборщиком, как его зовут? Серджо. Серджо именно в силу своей незаметности может больше всех заметить... Но если бы что-то заметил, сообщил бы. Если венецианец что-то хочет сказать, то говорит сразу и его ничто не удержит. Зато уж если он не хочет говорить – слова не вытянешь, а уж правдивого – тем более.

«Поэтому многие расследования в конце концов превращаются в пустую говорильню, – подумал комиссар, вспоминая прежние дела. – Я записываю в заключении не то, что было, а то, что мне соизволили наболтать. Впрочем, спасибо и на этом. Нельзя быть идеалистом. Всех нас обманывают, все мы обманываем...»

Он позвонил домой, и снова никто не взял трубку.

«Если она улетела к матери, пусть не возвращается, – решил он в сердцах. – Впрочем, сейчас ей будет трудно улететь. Все билеты раскупаются, все покидают Венецию. Начинается мертвый сезон».

Комиссар сдал дежурство и покинул управление. Домой шел пешком, жил он недалеко. Незадолго до полуночи Арицци вошел в подъезд, поднялся по вонючей лестнице и отпер дверь. При этом ему показалось, что в комнате раздался шум. Он толкнул застекленную дверь и переступил порог. Первое, что комиссар увидел, – огромный чемодан жены, очень знакомый чемодан. Много раз этот багаж ездил с Фульвией в Геную и обратно, а потом стоял распакованным в шкафу и ждал своего часа. Теперь он был наполовину собран. Второе, что увидел Арицци, жена. Совсем готовая к выходу, она стояла перед зеркалом, куда, видимо, отскочила, когда раздался звук отпираемой двери. Было еще и нечто третье – его помощник Нино.

– Вот как, – без всяких эмоций произнес Арицци, словно именно этого и ожидал. Нино пожал плечами.

– Так выходит, комиссар, – сказал он полусмущенно-полунагло. Жена по-прежнему гляделась в зеркало, как будто это могло уберечь ее от выяснения отношений. Арицци потерял одну руку о другую и полез в карман за сигаретами. Когда заговорил, поразился тому, насколько спокойно прозвучал голос.

– На этот раз, как я понимаю, ты едешь не к ма-ме? – обратился комиссар к жене.

– Поближе, – отозвалась она.

– К нему? – Он кивнул на Нино.

– Это должно было случиться, – подал голос помощник.

– Одно скажи – давно? – Комиссар по-прежнему обращался к жене.

Та наконец обернулась, и Арицци с болью понял, что это лицо ему никогда не забыть. Можно его ненавидеть, но забыть нельзя.

– Какая разница, – сказала она, проводя ладонью по гладко причесанным рыжим волосам. Они были точно такого оттенка, как у куртизанок на картинах Тициана. – С начала карнавала.

– Хорошо. Даю тебе пять минут, чтобы убраться.

– Десять, комиссар, – вмешался Нино. – Будем реально смотреть на вещи.

Арицци поборол в себе желание броситься на него и придушить.

– Даже пятнадцать, – сказал он, глядя на Фульвию. – Но знай, что это навсегда.

Та не ответила и продолжила прерванное занятие – принялась бросать вещи в чемодан. Вскоре они ушли.

Арицци закурил сигарету и посмотрел в темное окно. Оно выходило в закоулок, едва освещенный уличным фонарем. Тот висел на стене противоположного дома и озарял только трещины на штукатурке да капли дождя, то и дело мелькавшие в луче света. Комиссар курил, смотрел в окно и думал. Немного позже поймал себя на мысли, что думает не о Фульвии, а о другой женщине, которую никогда не видел. О жене, вернее, вдове русского наркомана с заковыристым именем.

«Завтра я закажу служебный разговор и сообщу ей новость о муже. Точнее, сообщит переводчик-референт... Но под заключением подпишусь я».

Глава 2

Алла проснулась так рано, как не просыпалась никогда. На работу ей надо было вставать в восемь, а будильник показывал начало седьмого.

«Что это я?» – удивилась женщина, еще не очнувшись окончательно. И тут же поняла, что ее разбудило – на кухне зазвонил телефон. Звонки были частые, с короткими интервалами – межгород. «Кому бы это быть?» Она вскочила и босиком побежала на кухню. Взяла трубку.

Голос звучал несколько напряженно. Говоривший мужчина словно сомневался в каждом произносимом слове. Насколько его можно было понять, он звонил из Италии.

«Аркадий? – мелькнула быстрая догадка. – Кто еще может позвонить мне оттуда? Но он не должен сейчас звонить».

– Кто это? – продолжала уже вслух удивляться Алла.

Голос в трубке набрался храбрости и выдал наконец связный текст:

– Аркадий Демин жил здесь?

– Да. – У нее ослабели ноги. Она оперлась о стену. – Кто говорит?

– Он умер, – сообщил голос с некоторой долей сочувствия. – Это из полиции. Вы должны приехать и увезти его.

– Как?! Не поняла?!

– Он умер от наркотиков, – с трудом признавался голос. – Вчера вечером. Сейчас он у нас, в управлении полиции. Вы должны его забрать.

Алла не понимала и половины.

Мужчина говорил с таким чудовищным акцентом, что она в отчаянии попросила:

– Перейдем на английский, пожалуйста!

Алла не решилась говорить на итальянском, который тоже когда-то изучала в институте, из-за отсутствия языковой практики.

В трубке раздалось несколько энергичных восклицаний, а потом наступила тишина. Видимо, говоривший пошел консультироваться с кем-то. Ей в голову вдруг пришла мысль, что звонил один из друзей Аркадия – из тех, что появлялись у него сразу же, как он обосновывался на новом месте...

«Такой же непутевый бедолага... – в сердцах сказала она себе. – Откуда он звонит?»

И как только в трубке снова прорезался голос, она сразу задала этот вопрос.

– Из Венеции, – ответили ей, на сей раз по-английски. – Я комиссар Арицци. Я веду дело вашего мужа. Вы должны приехать и забрать его. Вы можете выехать сегодня?

– Невозможно, – тоже по-английски ответила она, машинально отмечая дурное произношение комиссара. – Я ничего не понимаю... Он умер, как мне сказали, от наркотиков?

– Да, – подтвердил комиссар. – Слишком большая доза. Он употреблял наркотики до Италии?

– Да, – колебавшись, ответила она, – иногда... Но я не смогу приехать так скоро... Боже мой... Моя работа... Виза...

– Визу мы вам закажем, зайдите в итальянское посольство, – заторопился комиссар. – Приезжайте как можно скорее... Мы не можем держать его долго...

Алла выслушала все, что он еще счел нужным сказать ей, и повесила трубку. Прошла по кухне, натолкнулась бедром на угол стола, поморщилась, достала из пачки сигарету и жадно закурила. Ярость накапливалась – на мужа, на саму себя, на злосчастную судьбу...

Они познакомились в Академии художеств, где оба учились. Аркадий – на отделении ваяния, Алла – на факультете искусствоведения. Теперь она не могла бы уже сказать, чего было больше в ее чувстве к Аркадию – симпатии женщины к мужчине или восхищения его произведениями. Аркадий подавал большие надежды. Его работы отличались художественной

выразительностью, необычностью формы и оригинальностью сюжета. Алла слушала, что говорят вокруг, и в конце концов осталась в его мастерской на ночь.

Аркадий тогда изрядно выпил, и Алле не пришлось краснеть за то, что она навязалась, – он ничего не помнил. Утром они выпили дешевого кофе, сваренного им на электроплитке, и Алла задержалась еще на несколько часов. Особого удовольствия не получала, но говорила себе, что это в конце концов не главное...

Что было главным, Алла и сама не знала. Знала только то, что Аркадий этим «главным» обладал. Может, это был талант, может, мягкий, уступчивый характер... Его податливость и радовала, и раздражала Аллу. Радовала – потому что ни одно ее решение не встречало противодействия. Раздражала – потому что и решения других людей противодействия не встречали...

«Отсюда и его приключения на стороне, и выпивки, и наркотики в конце концов... – думала теперь Алла, прислушиваясь к своим чувствам. Чувств оказалось много, но среди них, как ни странно, не было горя. Наоборот, что-то вроде злорадства. – Я так и думала! Я так и знала, что он кончит этим!»

На плите свистнул закипавший чайник, и Алла размешала ложку растворимого кофе в чашке горячей воды.

«А кто виноват, что он довел себя до такого? – продолжала она спорить с кем-то. – Только не я! Да ведь сколько я возилась с ним, когда обнаружила! Сколько мы лечились! Разве мало сделала для него?! И вот – пожалуйста! Только слез с иглы, поправились дела, ему снова дали хороший заказ – все псу под хвост! Стоило деньги на врачей переводить... А обвинят, конечно, меня... Скажут – довела талантливого человека, проклятая баба, сломала ему жизнь! Да я ему спасала жизнь, если хотите знать».

И тут Алла поняла, с кем спорит. Все обвинения в ее адрес принадлежали самому Аркадию. Конечно, ему, а кому же еще? Ведь друзей у них давно не было... Общий круг знакомых распался тогда, когда Аркадий стал баловаться наркотиками и у него завелись новые друзья. У Аллы, к тому времени кормившей его своими статьями и переводами с английского и итальянского, иной раз не хватало злости, яростных обвинений, когда она обнаруживала исчезновение из дома очередной дорогой вещи, когда-то заработанной самим же Аркадием. Она ругалась, уходила к маме, даже пробовала его бить... Тогда-то он и высказывал ей.

– Хорошо же, – сказала вслух Алла. – Я все сделаю для него, в последний раз...

Она собралась с мыслями. Следовало поехать на работу, в издательство, предупредить об отъезде, взять отпуск за свой счет, если ее не отпустят просто так. Надо заехать в посольство, взять визу...

«Выпало ему счастье раз в жизни увидеть Венецию... Увидеть Венецию и умереть... – Она горько усмехнулась. – А сколькими поездками я пожертвовала ради него! Сколько возможностей побывать в загранке упустила, выгодных предложений! Приходилось цепляться за низкооплачиваемую работу, которая давала возможность сидеть в Питере. Все – только для того, чтобы следить за ним, не давать срываться! Все – для того, чтобы он не водил в дом своих бомжей-приятелей... Боже, ведь не только он опустил, вместе с ним опустилась и я! Когда я была в театре?! Три года назад?! Пять лет не была в отпуске! Почему раньше не ушла от него?! Потому что надеялась! Ведь когда он приходил в себя, делал такие работы... Нет, талант у него был, он не успел окончательно его погубить... Но как редко бывали проблески! Он работал затем, чтобы получить деньги и уйти в загул!»

Алла прошла в комнату – в единственную комнату их маленькой квартиры. Раньше у них была хорошая, просторная, двухкомнатная квартира в доме улучшенной планировки, но ее пришлось обменять на конурку с доплатой после того, как обнаружился огромный долг, сделанный Аркадием. Деньги ушли на наркотики. Мысль о деньгах потянула за собой другие мысли.

«Он три месяца назад оставил три тысячи долларов... Как я радовалась, дура! Получил авансом от заказчика за свою работу... Снова стали ему платить, доверять... Первые большие деньги... И с иглы он слез, я надеялась – уже навсегда. И вот все пропало. Сколько я проезжу теперь? В Венецию и обратно. А там? Это дорогой город. Сколько придется там пробыть? Два дня? Три? И все деньги ухнут на это, останусь у разбитого корыта... Подстроил последнюю подлянку, но какую! Даже умереть не смог по-человечески! Стоп... Что же это я? Ведь он поехал по путевке Академии художеств – пусть Академия и заботится о том, чтобы тело привезли. Надо зайти туда».

Алла разволновалась и спешно принялась одеваться. Распахнула дверцу шкафа, торопливо натянула теплые колготки, юбку, свитер, напудрилась и подкрасила губы. Посмотрела в зеркало. Оттуда на нее взглянула женщина лет тридцати – невыспавшаяся, растерянная... Карие глаза в припухших со сна веках, нездоровая бледность, которую не могла скрыть косметика.

«Мне нужен отдых. Вот я и отдохну в Венеции... Какая дурацкая судьба! Почему у меня все в жизни так?»

Она с досадой отвернулась от зеркала и собрала сумочку. Положила загранпаспорт, деньги, расческу, в зубьях которой осталось несколько ее темных волос. Вздохнула и велела себе не волноваться, не переживать. Все равно уже ничего не поправишь.

В десять утра она уже стояла в канцелярии Академии художеств и чувствовала, как земля уходит у нее из-под ног.

– Но разве вы не знали, что Демин был исключен? – раздраженно выговаривала ей старушка, ведавшая путевками для студентов.

– Знала, – слабым голосом произнесла Алла. – Аркадий сказал мне, что путевку дала академия...

– А с какой стати? – Старушка затянулась «Беломором» и сделала резкий жест рукой. – Я Демина прекрасно помню, моя дорогая... Когда-то он действительно мог рассчитывать на путевку, но потом, когда занялся наркотиками...

– Постойте, объясните по порядку! Я знала, конечно, что он был исключен с четвертого курса за наркотики, но он мне сказал, что академия провела оплату в Венецию и дала ему направление... То есть заплатил он сам, через вас...

– Ничего подобного! – желчно ответила старушка. – Мы такими вещами не занимаемся... Вы, милочка, сказали, что он сам заплатил? Так почему же он не мог обойтись без нас, раз у него были деньги? Что-то он напутал! У нас такое не практикуется!

Алла закрыла глаза, стараясь справиться с нервной дрожью. Значит, обман! А как солидно, успокоительно звучало это вранье в его пересказе! «Академия во мне заинтересована! Меня восстановят на четвертом курсе! Это испытательный срок! Академия нашла заказчика! Академия то, академия се!»

А старушка тем временем увидела молодую напарницу, только явившуюся на работу. С невыразимым ехидством в голосе она окликнула ее:

– Лидочка, помнишь того скульптора, ну, Демина! Он, представь себе, наврал, что мы его посылали в Италию!

Напарница замороченно посмотрела в сторону Аллы и вдруг узнала ее.

– Это вы? – воскликнула она. – Аллочка, но мы его никуда не посылали, просто не могли бы послать!

– Все уже понятно, – пробормотала Алла, пытаясь скрыться от позора. – Ладно, спасибо, что просветили.

– А что с ним случилось? – поинтересовалась Лида. – Он же, кажется, колосся, да?

– Он умер, – ответила за Аллу старушка. – Чего и следовало ожидать.

Алла отвернулась и, ни слова не говоря, захлопнула за собой дверь. Она быстро прошла по длинному безлюдному коридору, свернула на лестницу и там остановилась, достав из сумочки сигарету. В голове у нее был полный сумбур, и она уже не чувствовала себя так уверенно, как утром. Тогда, после звонка из Венеции, все было хотя и грустно, но просто и ясно. Алла знала, что ей следует делать, к кому обратиться...

Она снова восстановила в памяти подробности его отъезда и поразились своей беспечности. Алла даже не подумала тогда о том, чтобы проверить, насколько сказанное им соответствует истине. Кто дал ему сногшибательный заказ? Она этим не поинтересовалась. Он сказал – академия нашла заказчика, и это ее совершенно убедило и успокоило. Академия – знак качества, гарантия надежности... Алла не спросила ничего. И теперь корила себя за это.

«Значит, заказ он нашел где-то на стороне. Кто же осмелился с ним сотрудничать? Явно кто-то новый, кто ничего не знал про наркотики... Ах, почему я не узнала у него всю правду! Ведь он мог подписать с заказчиком контракт с неустойкой, как обычно делается, особенно когда платят авансом... А раз он кололся в Венеции, да еще так, что умер, то мог ничего не сделать! Мне ли не знать, что когда он кололся – работать не мог... И теперь все претензии могут предъявить мне! Сколько он взял с собой? Тысячи три тоже... Три мне, три ему... А если не три? – пришла ей в голову ужасная мысль. – Если еще больше?! Если контракт был дорогой и неустойка разорит меня дотла?!

Она порылась в сумочке, нашла в блокноте название мастерской, куда отправлялся работать и учиться Аркадий. «Луиджи Джакометти». У Палаццо-Грасси. Знать бы телефон... Нет, телефона он мне не дал, сказал, что сообщит, но ничего не сообщил... Два месяца молчал, потом позвонил... Ему не было дела до того, что я извожусь от тревоги... Он вообще считал, что мне до него дела нет. Да было мне до него дело, было! Только какая любовь выдержит такое!»

И она вспомнила свои мучения за последние годы. Вспомнила, вздохнула, бросила сигарету в урну и вышла на улицу.

В итальянском посольстве проблем не возникло. Визу тут же дали, комиссар, как и обещал, предупредил служащих о ее визите. Там же ее познакомили с формальностями, касавшимися перевозки тела из Италии в Россию.

От этих формальностей ей стало дурно, но она велела себе крепиться.

«Началась последняя, может быть, полоса неудач... – уговорила себя Алла, посещая кабинет за кабинетом, объясняясь с чиновниками, подписывая бумаги. – Я привезу его тело, но прежде узнаю у Джакометти, выполнил ли Аркадий заказ... И если окажется, что выполнил, вздохну спокойно...»

Обеденное время застало ее на Невском проспекте, в кофейне напротив международных касс «Аэрофлота». Она пила скверно приготовленный кофе и жевала бутерброд с сыром. День выдался морозный, и у нее осталось одно желание – поскорее добраться до дому и лечь в горячую ванну.

Потом Алла стояла в очереди и покупала билет – туда и обратно, как ей посоветовали в посольстве.

«Тело вам выдадут сразу, – уверяли ее там. – Проблем не будет».

Она слушала их, сжав зубы, и говорила себе, что только в таких случаях ей и везет. Сразу выдают тело. И ничего, что касается удачи, любви, денег, судьба не выдает ей так охотно, так быстро...

Потом заехала на работу, поделилась скорбной новостью с сотрудницами, приняла их соболезнования, убедилась, что без отпуска за свой счет не обойтись, и восприняла эту новость как последнюю неудачу дня. После чего отправилась наконец домой.

Последней каплей стали разговоры с родителями – разумеется, по телефону. Они жили слишком далеко, чтобы добираться до них. На это ушел бы еще час, а такого она бы уже не вынесла.

– Как же так?.. – только и повторяла ее мать. Та любила Аркадия. – Доченька, но как же он так?..

– Мама, я сто раз тебе повторила как! – сухо ответила Алла. – Наширлся больше, чем смог перенести, вот как!

Мать охнула, как будто слышала это впервые.

– Он не был ангелом, говорю тебе! – продолжала дочь. – Почему ты жалеешь только его, почему не меня?! Сколько мне еще предстоит мучиться из-за него! Ты можешь позволить себе роскошь поплакать, да, я слышу, как ты рыдаешь... А я не могу! Ты его видела раз в месяц, а я – каждый день!

Мать умолкла. Алла едва переводила дух.

– Доченька, не будь такой... – попросила ее наконец мать. – Аркашу жалко...

– Довольно... – Алла еле сдерживалась. – Собственно, дело сводится к тому, что я уезжаю. Мне надо его привезти. И вот что еще, мам... Я тебя прошу – позвони его матери сама... Я не могу.

С матерью Аркадия у Аллы были напряженные отношения. Та почему-то считала, что именно сноха стала причиной болезни Аркадия. И разубедить ее не могло ничто.

– Хорошо, – раздалось в ответ. – Только, Аллочка... Как-то вам надо помириться... Теперь, когда Аркаша...

И мать всхлипнула.

– Именно теперь, когда он умер, я надеюсь разорвать с ней всякие отношения, – отрезала Алла. – С меня довольно этой семейки... Жизнь загублена, а мне только двадцать восемь!

На этом неприятности закончились. Алла посидела на кухне, выкуривая последнюю за день сигарету и глядя в потолок. Горе? Нет, это было не горе. Скорее оцепенение чувств да еще злость... На него, на себя, на свою несчастную судьбу...

Спать она легла пораньше, решив собрать вещи завтра утром. Самолет улетел после полудня.

Венеция встретила ее свинцовыми облаками и резким, порывистым ветром. Больше никто не встречал. Она застегнула до конца «молнию» на куртке и ступила на негостеприимную землю. Все вещи уместились в маленькой сумке, с которой Алла решила не расставаться, пока не выяснит все до конца. И прежде всего отправилась в управление, адрес которого дал ей комиссар, скверно говоривший по-английски.

– Это все? – спросила она, поговорив с ним полчаса и совершенно замучившись от его произношения. – Больше вы ничего не предприняли? А почему вы не выяснили, как и когда он начал употреблять наркотики? – Она старалась строить фразы попроще, чтобы комиссар ее понял. – Вы знаете, что три месяца назад, когда он уехал в Венецию, был совершенно здоров?

Комиссар напряженно слушал ее, и в какой-то миг на его лице возникла неуверенная улыбка.

– Три месяца? – проговорил он. – Нет, он был здесь всего месяц.

– Три! – подчеркнула она. – Три месяца назад он уехал сюда!

– Один! – упорно твердил комиссар. – Один месяц, синьора!

– Как же так? – растерянно произнесла Алла.

Аркадий ее обманул! Где же он был два месяца?! Где он был с середины ноября, с тех пор как «уехал»? Ей стало так дурно, что она с трудом удержалась на ногах.

Комиссар в это время что-то говорил, но она едва слышала его. Сейчас волновало только одно – насколько обманул ее муж? Все было ложью в его словах или не все? Где он был два месяца? Кто дал ему заказ и деньги? И выполнил ли он заказ?

Она пришла в себя и услышала:

– Может быть, ваш муж был здоров, когда приехал сюда, но за месяц дошел до такого состояния, что начал колотиться через одежду...

– Как? – машинально переспросила Алла. – Через что?

Комиссар слегка смутился, видимо прекрасно сознавая несовершенство своего английского. Он попытался объяснить еще раз:

– Ваш муж сделал себе два укола прямо через одежду. Так говорит доктор.

– Ужасно, – только и произнесла она в ответ. – Комиссар, я должна поговорить с хозяином мастерской.

Арицци растерялся еще больше.

– Но зачем? – попробовал возразить он. – Расследование кончено, оно было сделано по всем правилам, вы не можете упрекнуть меня в небрежности...

Последнее слово он искажил так, что Алла едва поняла его. Она упорно стояла на своем:

– Мне необходимо поговорить с Джакометти, потому что есть вещи, которые касаются только его... Это мои личные проблемы.

Комиссар тяжело вздохнул. Он свято поклялся Джакометти, что больше не станет беспокоить его. Кроме того, ему не нравилась эта русская. Слишком она была упряма и привязчива, слишком быстро говорила по-английски, так что ему приходилось напрягать все силы, чтобы что-то понять.

Он сделал последнюю попытку.

– Джакометти собирался уехать из Венеции, – сказал Арицци, с удовольствием наблюдая за охватившим женщину смятением. – Я думаю, уже уехал.

– Вот как? – раздраженно произнесла она и поднялась со стула, пол вокруг которого уже был усыпан пеплом ее сигарет.

Курила она слишком много, и это тоже не понравилось комиссару. «Нервная особа. Впрочем, как все жены наркоманов... Была бы симпатичной, если бы не так зазнавалась... Как она со мной говорит, прямо милость оказывает. Я не позавидую Джакометти...»

– Когда я смогу забрать тело? – спросила Алла, защелкивая сумочку.

– Сегодня вечером, – задумчиво ответил комиссар. – Вообще-то это не здесь... Вам нужно будет поехать в морг, мы дадим сопровождающего...

«Нино, – решил он. – Вот кого я пошлю с ней. Это будет ему наградой за те дурацкие часы, которые я провел, ожидая Фульвию. А они там все время ссорились! Ссорились, пока она снова не собрала чемодан и не вернулась домой! Даже суток не выдержали вместе!»

Комиссар пришел в благодушное настроение, приняв решение, и послал за помощником. Тот явился и мельком посмотрел на русскую посетительницу. От его всегдашней беззаботной веселости не осталось и следа.

«Крепко его потрепала Фульвия!» – удовлетворенно отметил комиссар и обратился к нему:

– Поедешь с этой особой. В морг, за телом. Дамочка еще та, скажу тебе... Главное, побыстрее спихни ее прочь и не пускай к Джакометти, а еще лучше – скажи сейчас ей, что он уже уехал. Сможешь по-английски?

– Не смогу, – признался Нино, но тут заговорила русская. Заговорила по-итальянски, и комиссар с помощником застыли, как громом пораженные.

– Я смогу по-итальянски, – холодно сказала она. – Смогу даже переводить то, что вы говорите друг другу. Итак, Джакометти уехал?

Комиссар натянуто улыбнулся.

– Синьора, он большой человек и просил его не беспокоить. – Арицци тоже перешел на итальянский. – Надеюсь, вы нам поверите, что персонал мастерской был опрошен самым тщательным образом.

– Это меня не волнует, – ответила Алла, переводя взгляд с комиссара на его помощника. – Тело можно забрать вечером? Хорошо. А сейчас я должна увидаться с хозяином мастерской. Надеюсь, вы меня проводите?

Она обращалась прямо к Нино, и тому ничего не оставалось, как согласиться.

– Конечно, синьора, – торопливо и любезно заговорил он. – Я провожу вас. Но это будет не так уж интересно.

– Я сама хочу в этом убедиться. Вы идете?

– Через минуту он вас догонит, – вмешался комиссар. – Нино, на два слова.

Алла вышла, и мужчины остались наедине. Нино тоже предпочел бы выйти. Ему казалось, что комиссар держит камень за пазухой и недалек тот миг, когда камень этот полетит в его голову. Ему не верилось, что комиссар забыл нелепую историю с Фульвией. Но вместо камня ему была предъявлена улыбка. А улыбаться Арицци умел так, что все сомнения в его благожелательности сразу куда-то исчезли. Нино слегка ободрился.

– Комиссар, жуткая дама! – прошептал он, оглядываясь на дверь. – Она знает итальянский? Как мы влипли!

– Ничего. – Арицци нервно потер руку. – Главное, она не предъявляет претензий к самому следствию. Да и что она может предъявить? Пусть сама отвечает за пороки своего муженька... И она все это, думаю, понимает... Но вот какая штука, Нино!

Тот округлил глаза.

– Дело в том, что русский, оказывается, сбежал из дома три месяца назад! А ей сказал, что едет сюда!

– Понимаешь? Он где-то проторчал два месяца перед приездом в Венецию...

– Надеюсь, на этом основании нас не заставят продолжать дело? За эти два месяца он мог натворить что угодно. А нам копать! Вот что я скажу тебе, комиссар... – Нино робко воспользовался своей давней привилегией называть Арицци на «ты». – От русских одни только проблемы...

– Я видел его паспорт, – утешил помощника Арицци. – Он получил визу месяц назад. То есть в Италии он точно ничего не натворил. Он сидел дома, в России... И мы им больше заниматься не будем.

Нино согласно закивал.

– А вот что я думаю, комиссар... – Он быстро осваивался в своей прежней роли – роли преданного помощника, «своего парня». – Я думаю, он провел эти месяцы в каком-нибудь теплом местечке...

Эту тему он развивать не решился, вовремя вспомнив, что такое теплое местечко недавно было дома у него самого. Только там находилась Фульвия.

– Ладно, Нино, – ласково кивнул комиссар. – Это нас уже не касается. Вообще, чего бы я ни отдал, чтобы этот русский со своей нервной женой убрался из Венеции первым же самолетом... А тебе задание – води себя сдержанней и как можно больше тяни с визитом к Джакометти... Ну, покажи ей какой-нибудь дворец, что ли...

– Я могу прокатить ее на катере по Канале-Гранде.

– Сделай все, что можно. Пусть у тебя, к примеру, сломается катер. Мне тебя учить не надо. А я тем временем позвоню в мастерскую и предложу Джакометти закрыться на большой замок и сидеть тихо-тихо. Я не могу с ним ссориться.

– Да? – удивился Нино. – Комиссар, но ты с ним не очень-то церемонился.

– Не в духе был, – неохотно пояснил Арицци, предпочитая не уточнять, почему именно он был не в духе. Нино отвел глаза. – А теперь пришел в себя. С аристократами ссориться не стоит, я тебе уже говорил это... У него хорошие связи среди отцов города... И мне уже дали это понять...

– Ясно, – кивнул Нино. – Наша красавица увидит Венецию. К Джакометти я ее не пущу...

И он покинул управление в совершенной уверенности, что Арицци все забыл и зла на него не держит.

Комиссар отвернулся к окну и закурил. Фульвия вернулась. Все прошло, но горечь осталась. «Нино у меня еще попляшет...»

– Что вы предпочитаете? – с утонченной любезностью расспрашивал помощник комиссара Аллу. – Палаццо или церкви?

– Я предпочитаю Палаццо-Грасси, – холодно ответила та. – И быстро!

– Значит, палаццо, – уточнил Нино. – Тем лучше, потому что церкви уже закрыты, синьора... Обратите внимание, Палаццо-Бальби! Чудный вид, превосходное освещение!

Алла сжала губы, едва сдерживаясь, чтобы не послать венецианца подальше. Если бы она знала, что вожделенный Палаццо-Грасси в этот миг проплывает мимо них по другой стороне канала, то не сдержалась бы.

– Где Палаццо-Грасси?! – взорвалась Алла. – Мы доберемся до него или нет?!

– Непременно, – уверил ее Нино. И он не так уж грешил против истины, особенно если учесть, что земля круглая. – Всему свое время, синьора! Вы ведь в первый раз в Венеции?

– Вам за это платят? – перебила она его излияния. – За экскурсии? Вы проводите их по служебной обязанности или из любви к искусству?

Нино оскорбился и на миг замолк. Из оцепенения его вывел только очередной дворец. Он протянул руку и торжественно объявил:

– Мост Риальто, а за ним – Фонтего-Деи-Тедески! Немецкий склад. Кстати, именно здесь мы нашли вашего мужа.

Алла напряженно вгляделась туда, куда он указывал, но не произнесла ни слова и не изъявила желания остановиться и осмотреть место происшествия, как рассчитывал Нино. Пришлось плыть дальше. Он лихорадочно перебирал в уме оставшиеся достопримечательности и уже обдумывал возможность затащить Аллу на сухопутную экскурсию в какой-нибудь квартал.

«А там она ведь может ненадолго потеряться, с кем не бывает... – убеждал он себя. – Комиссар, наверное, уже предупредил Джакометти... Но спешить все равно не стоит!»

– Ка-Пезаро! – прозвучал его голос в тишине, нарушаемой только рокотом работающего мотора да плеском воды у бортов катера. – Обратите внимание, синьора! Это вам непременно надо осмотреть. Можем остановиться на минутку.

– Ни в коем случае! – отвергла его предложение Алла. – Плыдем дальше! И прибавьте ходу!

– Это невозможно, – льстиво склонился перед ней Нино. – Мы плывем на максимальной скорости. Если я прибавлю ходу, может произойти катастрофа. Здесь очень оживленное движение.

– Не замечаю! – сказала она, оглядывая канал. – Разве что мы врежемся в гондольера...

– Вот именно, – подтвердил Нино. – Я, как полицейский, не могу такого допустить...

Внезапно ей в голову пришла счастливая мысль. Пренебрегая возражениями Нино, она перегнулась через борт и окликнула гондольера, как раз поравнявшегося с ними на своей утлой лодчонке:

– Синьор! Где Палаццо-Грасси?

Гондольер смерил ее взглядом, потом так же внимательно осмотрел Нино и вдруг обменялся с ним серией возгласов на непонятном Алле наречии. После чего учтиво улыбнулся ей:

– Палаццо-Грасси, синьора? Впереди, дальше по каналу!

Ей ничего не осталось, как подчиниться своему спутнику и плыть все дальше и дальше. Нино старался:

– Палаццо-Барбариги! Умоляю вас взглянуть – это Сан-Симеон Пиколо!

На этом достопримечательности кончились, и даже изобретательность Нино исчерпала себя. Катер качался на холодных волнах канала, ощутимо пахнущего гнилью, помощник

комиссара молчал, Алла наливалась злостью. Наконец она не выдержала и обратилась к Нино с утонченной любезностью:

– А теперь, когда вы мне показали всю Венецию, от первого палаццо до последнего, можем мы все-таки попасть к Палаццо-Грасси?! Мне кажется, хозяин мастерской уже меня заждался!

Нино неуверенно кивнул.

– Хорошо, синьора, – согласился он, надеясь, что комиссар уже сделал все, чтобы обезопасить нервы Джакометти от визита русской валькирии. – Мы плывем туда. Но предупреждаю вас, что это бесполезно. Он давно уже уехал из города.

Алла ничего не ответила, и ему пришлось повернуть обратно.

Наконец они оказались перед дверью, на которой, правда, не висело ни одного замка, но заперта она была очень основательно. Алла без колебаний позвонила.

Она несколько раз нажимала кнопку звонка, не производя при этом ни малейшего шума.

– Нет электричества! – пояснил Нино, перехватив ее гневный взгляд, и забарабанил в дверь. – Эй, кто там есть! Откройте, полиция!

Спустя некоторое время дверь открыли. На пороге возник тощий юноша-уборщик, и они с Нино обменялись выразительными взглядами.

– Что вам угодно? – Уборщик смотрел теперь на Аллу. – Синьора желает сделать заказ? Но мы уже закрыты... Подождите до следующего карнавала... Или приезжайте через полгода... Мы снова начнем подготовку к карнавалу... Но не сейчас!

Алла повернулась к Нино, и тот, стараясь не встречаться с ней взглядом, быстро заговорил:

– Серджо, это жена того русского скульптора, Демина. Она хочет посмотреть на комнату, где он жил. Верно?

– Еще больше я хочу посмотреть на того хозяина, у которого он работал, – отрезала Алла. – Дайте войти.

Серджо в изумлении пропустил ее вперед и пошел следом. Нино, вздохнув, последовал за ним. Он надеялся, что хозяин уже соответствующим образом предупрежден.

Джакометти, к которому Серджо провел их без всяких возражений, встретил Аллу, едва приподнявшись в кресле. За эти дни он, казалось, еще больше распух и побледнел. Хозяин был облачен в неопрятный атласный халат, на ногах красовались вызолоченные туфли. Алла сухо поздоровалась и села. Джакометти взглядом попросил Нино и Серджо удалиться. Ушли они с неохотой, но, впрочем, недалеко – уборщик пригласил помощника комиссара занять подслушивающий пост под дверью, и тот с восторгом согласился.

– Я пришла к вам узнать кое-какие подробности о муже, – с места в карьер начала Алла. – Вы знаете, о чем я говорю?

– Ваш муж умер от слишком большой дозы наркотиков, как сказали мне в полиции... Он доставил мне немало неприятностей. С тех пор как в Венецию стали завозить наркотики, неприятности так и сыплются на нас... Раньше мы не знали этой отравы... Наркотики привозят иностранцы...

– Но не мой муж. Он не торговал ими. Он только употреблял их.

– Меня это не касается. – Джакометти взмахнул пухлой, униженной старинными тусклыми перстнями рукой. – Он употреблял их или продавал... Все равно я не хочу иметь к этому никакого отношения.

– Скажите, когда именно Аркадий впервые обратился к вам с просьбой взять его на обучение и работу?

– Давно, – сказал хозяин. – Еще в ноябре.

– Скажите, пожалуйста, почему он выбрал именно это время? Время карнавала? Время, когда вы, разумеется, больше занимались своими делами, чем его обучением? Разве нельзя было назначить другой срок?

– Это время он выбрал сам, – ответил Джакометти. – Я дал ему понять, что качество обучения может ухудшиться из-за нашей загруженности во время карнавала... Но он хотел попасть к нам именно во второй половине января – первой половине февраля, и больше никогда. Желание клиента... – Он слегка пожал плечами. – Я согласился. Я допустил его в свою мастерскую, как допустил бы любого, желающего овладеть секретами нашего ремесла и уплатившего за это наличными...

– Наличными? – уточнила Алла. – Он не переводил вам плату за обучение через какую-нибудь организацию или банк?

– Он расплатился наличными по приезду. – Джакометти рассматривал перстни. – Претензий у меня к нему не было... Платил, как все, работал, как все... Вот только кололся, кололся очень много, синьора...

– Он начал колотиться у вас, в Венеции?

– Этого я знать не могу, – лениво ответил хозяин. – Может быть, не знаю, знаю только, что теперь сто раз подумаю, прежде чем связываться с неизвестными людьми. Буду требовать рекомендации... И справку от врача, что это не наркоманы...

– Справки вам не помогут, – заметила Алла. – Он ведь тоже мог показать справку... Тем более что в последнее время слез с иглы...

– Меня это не интересует, – повторял свое Джакометти. – Слез с иглы, сел на иглу... У меня достаточно неприятностей из-за вашего супруга, синьора. Я человек старый и больной... Мне нужен отдых...

– Я не собираюсь отнимать у вас право на отдых. – Алла попыталась взять себя в руки. «Проклятый город, отвратительные люди! Все жульничают, все друг друга покрывают! Здесь не добраться до правды! Никому ни до чего нет дела!» – Скажите только вот что. Скажите, а потом я сразу уйду. Он выполнял чей-то заказ?

Джакометти посмотрел сначала в потолок, потом в окно, потом на свои перстни, потом на ее ноги. Потом закрыл глаза и шумно, с хрипом вздохнул.

– Я прошу вас сказать, – умоляющим тоном продолжала Алла, понимая, что ее ярость только настраивает этого надменного человека против нее. – Я умоляю вас сказать мне – выполнил он этот заказ или нет? Может его заказчик предъявить ко мне какие-нибудь материальные претензии или нет? Поймите, я небогата... Я просто нищая, по вашим понятиям... Я осталась одна... – Голос ее задрожал. – И если окажется, что он вдобавок ко всему еще и обманул заказчика... Мне никогда с ним не расплатиться...

Джакометти открыл глаза, и она увидела в них нечто похожее на сочувствие.

– Не беспокойтесь, – просвистел он. – Заказ был выполнен. Не могу сказать, что на высоком уровне... Он работал урывками, между одним уколом и другим... Но все же заказ был выполнен. И его уже получили, я думаю...

– А для кого он работал? – спросила Алла и сразу поняла, что ответа не получит – Джакометти снова замкнулся. – Это не мое дело, конечно... – проговорила она, вставая. – Что ж... Я только хотела узнать, нет ли осложнений... Простите за беспокойство...

– Простите вы меня, синьора, – неожиданно благожелательно обратился к ней хозяин. – Я всего-навсего соблюдаю коммерческие тайны фирмы. Заказ был выполнен на базе моей мастерской, отослан из моей мастерской, значит, я должен охранять интересы заказчика... Всего доброго, синьора... Мои соболезнования... Мои соболезнования...

На соболезнования Джакометти оказался так щедр, что Алла вышла из его кабинета только через пять минут. За это время ей высказали все возможные сожаления, что Венеция оказалась не гостеприимна к ее мужу и к ней самой. Она была просвещена насчет времени,

когда лучше всего приезжать в Венецию – «конечно, во время карнавала». И наконец, Джакометти долго говорил ей комплименты, среди которых не оказалось ни одного искреннего.

Когда за ней захлопнулась дверь, она вздохнула с облегчением. И тут же помрачнела, увидев Нино. Тот, беззаботный как птица весенняя, болтал с уборщиком и курил его сигареты. На Аллу едва обратил внимание.

– Я вас жду, – напомнила она, и тот с неохотой попрощался со своим новоприобретенным приятелем. Вместе они покинули помещение, и только на катере он соизволил открыть рот.

– Успешно поговорили, синьора? Остались довольны?

– Страшно довольна! Давайте езжайте быстрее! Нечего рассматривать! Все дворцы я уже видела!

– А куда спешить? – философски заметил Нино.

– В морг!

Потом она выполняла разные формальности, подписала уйму бумаг, свидетельствующих о том, что тело она забирает, что тело бактериологической опасности не представляет, что тело именно ее мужа, а не какого-нибудь постороннего, что тело герметически запаяно в цинковый гроб.

Эти похоронные и бюрократические подробности совершенно доконали Аллу, так что в самолет она села сама полумертвая. Некоторое время ей не верилось, что все уже позади. Потом начала приходить в себя.

Алла расположилась в салоне «Боинга» возле иллюминатора. В окне сияла ультрамариновая синь и курчавились ослепительно белые облака, похожие на хирургическую вату. Все это было по правую руку от нее. По левую – находилось одно пустое кресло, а за ним – кресло занятое.

В этом занятом кресле сидела женщина в помятом зеленом костюме и лениво листала журнал. Алла от нечего делать смотрела на нее, потом на остальных пассажиров, потом опять на женщину. Та подняла глаза от журнала и слегка улыбнулась Алле.

– Карнавал? – только и спросила она.

– Нет. – Алла грустно покачала головой. – Наоборот.

– То есть? – немного удивилась женщина.

– Мой муж умер в Венеции... Везу теперь на родину его тело...

– Вот оно что... – протянула та. – А я, представьте, тоже...

– Как?! – поразились Алла. – Тоже везете тело мужа?

Женщина вздохнула:

– Нет, собаки... Сдохла собака от какой-то заразы... И вот я ее теперь везу обратно... На родину... Не город, а морилка для тараканов...

Алле не слишком понравилось сравнение ее мужа с какой-то собакой, и больше она с незнакомкой не разговаривала, тем более что та сразу же углубилась в свой журнал. Алла откинула голову на спинку кресла и долго смотрела в окно. Потом прикрыла глаза и уснула.

Глава 3

Были похороны, поминки, материальные расчеты с отечественными бюрократами, сидящими в похоронных структурах, и моральные расчеты со свекровью... Были щедро проливаемые материнские слезы.

Как она и ожидала, на нее обрушился град упреков – высказанных и утаенных. Упреков со всех сторон. На похороны явились, как ни странно, сокурсники Аркадия по академии, прекрасно помнившие, как Алла некогда обхаживала начинающего талантливую скульптора. «Она его довела, ясное дело», – услышала за спиной Алла. Она резко обернулась, чуть не расплескав водку в графине, которую несла к столу. Но определить, кто именно сказал эти слова, было невозможно.

«Да и сказать это мог любой... – думала теперь Алла, сидя дома с сигаретой в руке. – Плевать мне на них на всех... Академия... Какой я была душой! А они так и остались дураками, ничего-то в них не изменилось за несколько лет. Аркадий для них остался все тем же парнем – ласковым, веселым, щедрым на подачку, которую любой у него мог выманить... Да и выманивать не приходилось – он и так все отдавал... Разве не поэтому они ополчились против меня, когда у нас с ним дело дошло до свадьбы?! Разве не боялись они потерять в его лице щедрого собутыльника? Ах, какая я была дура! – Она вспомнила то, что было несколько лет назад, и прикусила ненакрашенную губу. – Я надеялась, что собутыльники исчезнут, раз появилась я, что Аркадий сможет спокойно работать, мы сумеем обустроить свой дом, тогда можно и на ребенка решиться. Разве я виновата, что все хотела совершить по плану, как в Европе, как во всем мире?! А не как у нас, когда рожают без квартиры, без счетов в банке, без возможности лечь в дорогую клинику? А мне говорили... Говорили, что я расчетливая, бессердечная, что я польстилась на его заработки и вышла за него потому, что надеялась хорошенько его подоить... Ох, знали бы они все, шептуны, сколько я своих денег переплатила за его лечение, сколько взяток передавала врачам, препаратов купила за свой счет, сколько шоколада перетаскала медсестрам, чтобы уколы делали вовремя, белье застилали чистое и по роже моего дурака не били за каждую истерику... А на истерики он был мастер, особенно когда слезал с иглы...»

При мысли о шоколаде ей вдруг вспомнилась Даша. Даша – медсестра из наркодиспансера, где в последний раз лечился Аркадий. И на этот раз лечение было более эффективным, чем раньше. И больница почище, и обслуга помягче... И Даша ей понравилась – тихая аккуратная девушка из тех, что женщины называют «миленькими», а мужчины – «красавицами».

Тогда, год назад, совершенно замороченная очередным срывом мужа, Алла привезла его в платную клинику. Она уже привыкла ко всему – и к грубости медперсонала, и к казенным помещениям, и ко многим иезуитским правилам, которые практиковались в наркодиспансерах. И когда перед ней возник накрахмаленный до звона халат Даши, она резко вскинула голову, готовясь увидеть очередную палатную стерву. Почему-то ей везло на таких. А увидела невысокую, пухленькую девушку немногим старше двадцати лет. «Девочка, – подумала Алла, хотя оказалось впоследствии, что она старше Даши всего на четыре года. – Красивая девочка».

У девочки были длинные черные волосы, гладкие и блестящие. Нежные зеленоватые глаза, пушистые ресницы, большой красивый рот без следов помады. «Аркадий увлечется», – обреченно подумала она, впрочем, без всякой ревности или злобы на девочку. Алла давно убедилась, что женщины интересовали Аркадия чисто с эстетической точки зрения. И в этом тоже винила наркотики.

«Аркадий увлечется и даже напишет ее портрет... А толку все нет... Если бы знать, что больница эта будет последней...» Она возлагала на клинику кое-какие надежды особенно потому, что прежде Аркадий лечился в заведениях попроще.

Даша тоже обнадеживала ее. Женщины часто встречались, когда Алла приходила к мужу. Она не переставала удивляться: Даша наотрез отказывалась брать традиционные мелкие подарки – коробочку конфет, колготки, все, чем Алла по привычке набивала сумку.

«Нет, нет... – Даша отказывалась с мягкой улыбкой, но вторично предлагать подарок не хотелось. Голос ее при этом звучал твердо. – Зачем вы, Алла? Я ведь тут работаю, получаю за это...»

«Ах, Даша, не в обиду... – Алла прятала сверточек или коробку обратно в разбухшую сумку. – Честно говоря, у меня условный рефлекс... Простите... Как мой тут?»

Они постепенно перешли на «ты», и беседы стали продолжительнее. Алле больше всего нравилось, что Даша, хоть и была заметно красивее ее, все же смотрела на свою собеседницу снизу вверх.

«Все дело в образовании... – говорила себе Алла. – Ну как для такой вот медсестры звучит слово «искусствовед»? Или «скульптор»?» Она успела убедиться, что Даша не такая уж примитивная собеседница, кое-что почитывала, кое-куда заходила, но избавиться от чувства превосходства Алла не могла, хотя корила себя за это.

Девушка ей нравилась. Было в ней что-то уютное, комфортное, а то, что ее внешняя податливость и мягкость иной раз оборачивались весьма твердыми убеждениями и трезвым взглядом на жизнь, приятно удивляло. Алла простушек не любила, поскольку сама простушкой не была. И вскоре она убедилась, что Даша, будучи совсем не из Аллиного круга, является идеальной подругой для нее. Теперь женщины уже болтали не столько об Аркадии, сколько о себе.

Перед выпиской мужа Алла зашла в клинику в последний раз. Даши не было ни в палате, ни в ординаторской, ни в процедурной. Алла на правах своего человека обшарила знакомые закутки и в конце концов оказалась на лестнице, где обычно курили медсестры и больные. Там в этот момент никого не было. Но это только на первый взгляд. В следующий миг Алла услышала Дашин голос, мягко повторяющий со своей обычной интонацией – ласковой и терпеливой:

– Ведь это будет зависеть только от тебя. Как я могу что-то решить...

«С кем это она?» – спросила себя Алла. Даша со своим собеседником или собеседницей стояла выше, на площадке того этажа, куда по обязанности заходила довольно редко. И это удивило Аллу прежде всего. Вторым удивительным моментом было то, что собеседник Даши молчал. Или говорил так тихо, что до слуха Аллы слова не долетали.

Даша продолжала:

– Я ведь не обещала тебе. Ты ведь знаешь... Я не обману тебя. Только и ты... И ты меня не обманывай... Подожди... На вот... Сигареты тебе... Я пойду, мне пора...

На лестнице раздался стук низких каблучков Даши, и вскоре над Аллой показались ее стройные, довольно высоко открытые ноги, обтянутые тонкими блестящими чулками. В первый момент Алла хотела уйти в коридор, чтобы не смущать Дашу тем, что могла подслушать ее беседу с молчаливым собеседником, но потом сказала себе: «Что за чепуха!» – и никуда не пошла. Так они и столкнулись лицом к лицу. И Алла увидела, как Даша побледнела.

В тот раз между ними ничего не было сказано. Алла в последний раз выпила с ней чаю, выложив на стол принесенное печенье, выслушала последние новости об Аркадии – новости, которые знала и без нее. Мол, он поправился, почти что совершенно вылечился, можно надеяться, что надолго... Страшно говорить «навсегда», ведь гарантий быть не может... Но надо надеяться... Даша говорила официально, сдержанно... Чашка с чаем стыла перед ней, к печенью она, сладкая, не притронулась... Алла обкуривала ее своими сигаретами и думала про себя, что знает, кто был Дашин собеседник на лестнице... «Кому же еще быть... – вздыхала она. – Бедная Даша... Что у нее тут за публика... Где же ей встретиться с приличным человеком... А девушке пора замуж...» Мысли возникали злые, но в общем-то приятные, ибо содержание их было простым, незамысловатым, бабьим – «я жена, а ты кто?». С тем они и расста-

лись, свято пообещав друг другу звонить, но клятвы не сдержав. Видимо, святость обещаний была весьма условной.

И теперь Алла впервые за этот год, прошедший со времени их последней встречи, вспомнила о Даше.

«Вот с кем надо было посоветоваться! Аркадий столько проторчал у нее под надзором, она-то должна знать, почему он мог сорваться...»

Через несколько дней после похорон и поминок Алла начала приходить в себя. Она побывала в парикмахерской и сделала себе давно задуманную стрижку – короткую, почти мальчишескую, которая неожиданно придала ее потускневшему облику утраченную женственность. Стрижка открыла чистый лоб и длинную шею, сделала тени под глазами менее старообразными... Да и тени постепенно начинали исчезать, и не только с помощью косметики. К Алле возвращались ее двадцать восемь лет, чуть не превратившиеся в сорок за время замужества. Она купила новый свитер – дешевый, но эффектный – грубого плетения, из разноцветной шерсти. Заставила себя меньше курить. И через несколько дней поняла, о чем думала в это время, прихорашиваясь и обретая утраченную прелесть. О Даше.

«Вот теперь не стыдно с ней встретиться... – сказала она себе поздно вечером, вернувшись домой и поглядевшись в зеркало. – А то мертвецом выглядела... А Даша-то, наверное, расцвела среди своих наркоманов... Да, одно дело быть медсестрой, а совсем другое – женой... Пусть теперь посмотрит на ту замученную особу, с мужем которой она ворковала тогда на лестнице... Пусть посмотрит!»

Алла давно поняла, что чувствовала себя уязвленной тем случаем, окончательно поколебавшим ее веру в свою женскую привлекательность. Теперь она могла смело противопоставить природному цветению Даши свою искусственно созданную, но все же осязаемую красоту. И набрала ее номер.

Сперва в трубке раздался скрипучий старушечий голос, знакомый Алле по прежним звонкам. Она вспомнила, что Даша живет в коммунальной квартире с бабкой-соседкой, уже прописавшей в третьей комнате, освободившейся от умершей соседки, сына-алкаша и постепенно выживающей из квартиры Дашу. Однако по голосу и по разговору бабка была слаще меда. Она ласково заскрипела:

– Дашу? Дашенька, тебя спрашивает дама!

И Алла поздоровалась с забытой подругой. Ее голос, видимо, произвел на Дашу впечатление легкого шока. Она на миг замолчала, потом нерешительно спросила:

– Алла, ты?

– Я, – смешком ответила ей подруга. – Забыла уже меня?

– Почти что так... – вздохнула Даша.

Алла замялась, прежде чем выложить новости.

– Я ведь что звоню-то... – нерешительно, подбирая слова, начала она. – Аркадий... Он такую штуку отколол...

– Опять? – воскликнула Даша. – Постой, он что же, опять колется?!

– Уже нет, – мрачно сказала Алла. – Докололся уже. Умер.

– Как ты сказала?! – зазвенел голос подруги. – Когда?! Что ты говоришь?!

Алла поудобнее устроилась у телефона. Она вкратце рассказала Даше про обучение и работу Аркадия в Венеции, про его внезапный срыв, его смерть...

– Постой, – опомнилась медсестра. – Ты говоришь – академия не оплатила поездку?

– Конечно нет. Да он меня просто обманул. Чего и следовало ожидать. Ему кто-то сделал левый заказ. Сама понимаешь – кто станет возиться со скульптором, пусть даже талантливым, который балуется наркотиками?

– Вот как... – удивилась Даша. – И ты не узнала, кто ему сделал заказ?

– Хотелось бы узнать, конечно... – согласилась Алла. – Не столько потому, что я беспокоюсь... Хотя и беспокоюсь тоже – ну, как заказчик остался недоволен и предъявит мне претензии? А больше потому, что хочется увидеть, что он сделал перед смертью. Ведь это невыносимо – работать в таком состоянии!

– Да, – неопределенно сказала Даша. – Ал, ты еще не ложишься? Можно... Можно, я забегу к тебе?

– Давай! – внезапно согласилась Алла, которой вначале не слишком хотелось видеть бывшую подругу. – Всего одиннадцать... Ты успеешь до часу домой?

– Не в первый раз, – ответила та.

И точно – раньше они часто навещали друг друга. Даша жила на «Приморской» станции метро, а Алла – на «Василеостровской», так что их разделяла одна остановка. В те дни, когда Алла бывала загружена работой и не надеялась успеть в клинику на свидание с мужем, то вечером накануне завозила Даше продукты и разные мелочи, которые могли потребоваться Аркадию, и была уверена, что подруга не подведет и передаст их. Когда кончилось лечение, потребность во взаимных визитах отпала. И теперь Алла ждала Дашу с некоторым трепетом, сама себе боясь признаться, что завидует ей – как завидуют молодости и красоте.

– В конце концов, нам больше нечего делить, – сказала она своему отражению в зеркале. – У нас нет ничего общего. Кроме воспоминаний.

Даша явилась с рекордной быстротой – через полчаса. Алла расцеловала холодную разрумянившуюся щеку подруги и поставила чайник на плиту. Женщины уселись на кухне и пытливо оглядели друг друга – при этом Алла произвела более тщательный осмотр.

«Ничего, – решила она. – Но нельзя сказать, чтобы расцвела. Все та же. Те же волосы, глаза... Стоп, глаза другие. Что с ними? Боится чего-то? Тревожится? Вот дурочка... Неужто думает, что я могла его ревновать?! Да самое большее, к чему я могла его ревновать, – это к порнографическому журналу. Женщины в чистом виде были ему уже недоступны».

И она ободряюще улыбнулась Даше.

– Кофе у меня дрянной, растворимый, – предупредила Алла. – Но другого нет.

– Брось ты... – протянула Даша. Она отогревалась в теплой кухне, и ее щеки медленно возвращались к обычному цвету – тусклому, смугловатому. – Рассказывай. Я пришла, потому что мне показалось, что разговор не телефонный.

– Для меня нет такого понятия, – отмахнулась Алла. – Кому я нужна, чтобы меня подслушивали.

– Дело касается наркотиков, – тихо возразила медсестра.

Она осматривала кухню, и Алла поняла, что ей до смерти хочется в комнату, посмотреть, как много осталось там от Аркадия. И она вполне извинила это женское любопытство.

– Ладно, осторожная ты моя, – преувеличенно дружелюбно согласилась Алла. – Раз ты такая подкованная в этих делах, то скажи вот что... Почему он снова начал колотиться? Что могло его на это толкнуть?

– Об этом больше должна знать ты. Это могло быть все, что угодно... Прежде всего, безволие... Или соблазн...

– Ну, это-то понятно! Но должно было быть еще что-то... Соблазны возникали всякий раз, как появлялись деньги. А деньги появились. Но бывало же и так, что деньги не мешали ему держаться... Не колотиться... А тут не удержался... Знаешь, что я думаю? Что он провел некоторое время в какой-нибудь наркоманской коммуне... Знаешь, таких полно...

– Знаю, – поморщилась Даша. – Из таких коммун целым не уйдешь... У меня сейчас двое доходят в палате... Оба попали прямо из «Сучьей слободки».

«Сучья слободка», про которую Даша некогда рассказала Алле немало жутких вещей, была всего-навсего несколькими домами нежилого фонда, располагавшимися на задворках Петроградской стороны. Но эти несколько домов являлись рассадником заразы, где пропадало

ежегодно множество баловавшихся наркотиками людей. А те, что не пропадали, – доходили в больницу. Наркотики, по словам Даша, употреблялись самые некачественные, иногда в жутких смесях. Клиенты «Сучьей слободки» выживали редко. Чаще всего их здоровье было настолько подорвано, что лечение оказывалось неэффективным.

– Ты думаешь – он там пропал?! – сделала большие глаза Алла. Только тут она вспомнила, что не сообщила подруге насчет двухмесячной отлучки Аркадия перед его действительным отъездом в Венецию. И она выложила все, что узнала от комиссара Арицци, помянув его недобрым словом. Даша отшатнулась, услышав новости.

– Постой... – заговорила она, мучительно стараясь собраться с мыслями. – Он что же – соврал тебе, что находится в Венеции?!

– Ну да! – подтвердила Алла, радуясь, что новость не вызвала у Даша ехидной реплики. «А ведь она вполне могла бы позлорадствовать – вон, мол, как он ее обманывал!» – Конечно же соврал! Это было все из той же оперы, что и академия... Только чтоб я успокоилась и ничего не проверяла! Понимаешь? А сам в это время подхвятился и отправился якобы в Венецию, а на самом деле в какую-нибудь там «Сучью слободку»!

– Ужасно... – шептала Даша, остановившимися глазами глядя сквозь стену.

И Алла поняла, что изменилось в ее зеленых глазах. Дело было совсем не в том, что Даша смущалась или боялась ее. Эти глаза стали взрослее. Печальнее. Опытнее. Теперь Дашу при всем старании нельзя было назвать «девочкой», как окрестила ее Алла при первой встрече. Теперь это женщина, и казалось, женщина с не слишком счастливым опытом... Алле стало любопытно, что могла пережить ее приятельница.

«Что вообще могут переживать женщины с такими глазами, губами и такой грудью?! Мужики сходят с ума, протяни руку – и все достанешь... А ей, похоже, не досталось... Ну, это может быть – если она чересчур высоко замахнулась...»

А вслух она сказала:

– Ладно, Даш. Что случилось, то случилось. Мне только обидно, что все мои и твои, конечно, труды пропали даром... Не удержался... Можно сказать – в душу плюнул...

Даша склонила голову в знак согласия. Потом подняла ее и посмотрела Алле прямо в лицо. Слабо улыбнулась, и Алла снова подумала, что подруга ее что-то пережила.

– А ты как? – поменяла она тему. – Все там же? Без перемен?

– Без, – коротко ответила Даша. – Да и что может поменяться... С бабкой воюю...

– Она сыночка-то видит? – оживилась Алла. Она очень любила слушать про чужие неприятности. Так ей легче было забыть о своих собственных. – Больше никого не прописала?

– Нет. – Даша наконец отхлебнула кофе. – Но условия такие создает, что жить уже невыносимо... Снимать где-то комнату? Сама понимаешь, квартиру я не потяну, а опять коммуналка... Это ведь лотерея. Может, еще хуже получится... Так вот и быюсь...

– Ясно, жизнь не сахар. У меня хотя бы этих проблем нет... Зато тебе не приходилось возиться с мужем-наркоманом...

– Я этих мужей-наркоманов каждый день пачками вижу.

– Ну знаешь! – Алла закурила и прошлась по комнате. На душе у нее было по-девичьи легко, она как будто разом освободилась от груза забот и тревог. – Одно дело – пациенты-наркоманы, другое – муж, человек, которого видишь каждый день... Ладно, тема паршивая... Так как с личной жизнью – миллионщика еще не подцепила?

Даша рассмеялась. Провела рукой по лбу, словно у нее на миг закружилась голова.

– Нет, не подцепила, – глухо ответила она. – Работа такая – на женихов неурожайная. Откуда им взяться...

– Точно, наркоманы – мужики никакие, – подтвердила Алла. – Знаешь, мой...

И она выдала парочку пикантных подробностей, свидетельствующих о мужской несостоятельности Аркадия. Даша вдруг поднялась со стула и принялась прощаться.

– Что это ты? – удивилась Алла. – Да постой, еще и полчаса не просидела! Ну, я могу тебе такси вызвать... За мой счет...

Она внезапно поняла, что не хочет носить в себе свои несчастья, хочет поплакаться на чьей-то мягкой уютной груди... Дашина грудь, обтянутая пушистым изумрудным свитерком, годилась для этого... Но сейчас Даша явно не расположена утешать Аллу, и оставалось только удивляться почему?

– Мне пора. – Медсестра смотрела на запястье, где красовались маленькие часики, но видела явно не руку и не часы, а нечто другое... Ее взгляд был пустым и отрешенным. – Бабка может запереть дверь изнутри, и я не смогу попасть в квартиру... Она может...

– А мы участкового вызовем! – возмутилась Алла. – Какое она имеет право! Ты там так же прописана, как она...

Даша махнула рукой и стала натягивать бежевую короткую дубленку с капюшоном. Алла посмотрела и подумала, что ей тоже нужна такая, да поезд ушел – скоро весна... Она сделала последнюю попытку удержать гостью.

– Слушай, Даш! Да что ты проблемы создаешь! Переночуешь у меня, в самом деле! У меня кровать свободная, из-под Аркадия... Не бойся, он ведь на ней не помирал... Умер на камнях, как подзаборник! Сколько раз я ему это предсказывала, но не думала, что так и будет... Судьба подшутила... Смерть в Венеции, как у Томаса Манна... Даша, останься! Я ведь как в одиночной камере, мне даже обсудить все не с кем!

– Что я могу сделать? – устало повернулась к ней Даша, и Алла удивилась – каким жестоким может быть это лицо. – Он ведь умер.

Она стояла уже одетая, и рука ее лежала на дверной ручке. Алла смирилась с тем, что поболтать будет не с кем, и на прощанье сказала:

– Действительно, когда-то ты сделала для него все, что смогла... И я тоже... Не моя и не твоя вина, что он стал колотиться через одежду...

Даша замерла. Ее глаза расширились, а потом померкли и показались Алле совсем темными. Каким-то чужим, невыразительным голосом спросила:

– Что такое? Через одежду? Это там?

– Да. Так сказал врач, в Венеции... Это же надо дойти до такого... Ты представляешь Аркадия, который колется через куртку?

Даша сняла пальцы с дверной ручки. Судя по выражению ее лица, она напряженно что-то обдумывала. Потом спросила:

– Следствие было?

– А как же! Я все раскопала до последнего... Он стал колотиться через куртку.

– Он что – систематически колотился через одежду? – переспросила Даша, словно не веря своим ушам. – Всякий раз?

– Да нет! – Алла усмехнулась. – Только два раза приспичило, не смог потерпеть – рукав закатать... – А может, просто не соображал – закатан рукав или нет... В «Сучьей слободке» такое бывает?

– Бывает, – кивнула Даша. Она все еще не могла прийти в себя. – Но Аркадий и пациенты «Сучьей слободки» – это разные люди... Он не мог колотиться через одежду... Не тот характер, не та степень заболевания, в конце концов... Нет, это ему не свойственно.

Она разгорячилась и не слушала возражений Аллы. А та твердила:

– Ему ударила в голову Венеция, говорю тебе! Безумный город, и там у него нашлась, конечно, парочка безумных дружков... Во всяком случае – наркотики он у кого-то покупал! А сманить его на что-то – раз-два и готово! Мог и через куртку, мог вообще что угодно... О, Дашенька, ты его плохо знала! Ему никогда не удавалось принять решение, но если уж сманивали на что-то... Лучшего объекта не найти!

– Нет, не может быть... – едва шевеля губами, проговорила Даша.

– Что с тобой? – Алла заметила, что на лбу подруги проступила испарина. Ее длинные черные волосы прилипли к вискам.

Даша дышала тяжело, затрудненно. Помотала головой и виновато улыбнулась:

– Так, не важно... Тут у тебя жарко...

– Конечно, в дубленке стоять! – согласилась та. – Я тебе говорю – раздевайся и оставайся на ночь. Не помрет твоя бабка. А может... Может, не в бабке дело? Еще кто ждет?

– Никто... – Даша присела на табурет, стоявший у выхода. Резкими движениями размотала шарф, схватила воздух открытым ртом. Алла не на шутку встревожилась.

– Слушай, – спохватилась вдруг она. – А ты, часом не беременна?

– Господь с тобой... – ответила Даша. По-видимому, ей стало лучше. Во всяком случае, она встала и снова собралась уходить. – Вот только водички дашь попить? Я уже в порядке.

Алла пожала плечами и отправилась в кухню за водой. Глядя, как подруга пьет, она делала последнюю попытку удержать ее. Очень ей не хотелось оставаться одной. Такого не было ни в тот день, когда хоронили Аркадия, ни в то утро, когда она узнала о его смерти. А сегодня не хотелось сидеть на кухне, выкуривать одну сигарету за другой, чувствуя полное одиночество, ту особую звенящую тишину, когда никого в квартире больше нет. «Но если она не хочет – упрашивать не буду...» – заметила Алла и только намекнула:

– А впечатлений об Италии у меня немало... Одна Венеция, конечно, но что это за город! Какие люди!

– Да... Здорово... – Даша вернула стакан. Чувствуя, что ее не удержать, Алла заговорила быстрее:

– А в самолете, на обратном пути, представь себе, я встретила бабу, русскую, которая угадай, что везла?

– Не знаю...

– Труп любимой собаки. – Алла растеряла пыл, рассказывать больше не хотелось. Равнодушные ответы Даши свели на нет ее заграничные впечатления, лишили их занимательности. – Что же... – вздохнула она. – Вижу, что у тебя сейчас другое на уме... Каждому свое, конечно... Я со своими проблемами и убогими рассказами тебе надоела. Спасибо, что приехала.

Даша махнула рукой.

– Не обижайся, – попросила она. – У меня была тяжелая смена в отделении... И я не выпалась... Так что я пойду. Завтра... Нет, послезавтра позвоню.

«Значит – никогда, – поняла Алла, выпроваживая гостью и излишне тепло с ней прощаясь. – Обманулась я в ней... Да и Даша переменилась. Какая раньше была тонкая, внимательная. А теперь... Как будто заматерела. Рассказывай не рассказывай! Зачем звала? Зачем удерживала?»

У нее было такое чувство, словно оборвалась последняя связь с прошлым – с тем ее прошлым, в котором царил Аркадий. Теперь прошлое уплывало вдаль, как льдина, отколовшаяся от материка. И на льдине оставался сам Аркадий, его наркотики, его мягкая и выматывающая манера лгать, уступчивость всему и всем и, наконец, его любвеобильность.

Алла решила принять ванну. Наполняя ее горячей водой, она думала уже не о Даше, не об Аркадии, а о работе. Думала о том, как завтра снова увидит Глеба Хлебникова из соседнего отдела. Бабы-переводчицы звали его Хлеб Хлебыч, но при этом притихали и замирали в натянутых позах, когда он появлялся у них.

Появлялся раньше не слишком часто, а вот в последнее время зачастил. О, Алла не слепая. Она прекрасно видит, что Глеб любит ее посвежевшим личиком, открытыми выше колен ногами... И не ради того, чтобы послушать ее дорожные впечатления, он подсел за ее столик в обеденный перерыв.

Нет, Глеб даром зажигалку подносить не станет... Не тот парень... Бабы уже просветили ее – как только заметили, что она возвращалась с ним с перерыва. Глеб поругался с женой, и

та убралась к матери, прихватив дочку. Но Алла не так проста, чтобы на что-то рассчитывать. Боже упаси! Поругались – помирятся. Ей неприятности в виде телефонных истерик и слезки не нужны... На место жены Хлеб Хлебыча она не претендует.

«Определяюсь со своим местом в жизни, – рассуждала она, погружаясь в горячую ванну. Протянула руки, забросала себя душистой пеной, плававшей на поверхности воды, и притихла. – Итак, Глеб... Потом... Потом я беру роман на перевод... Хватит пробавляться статьями! Роман, не меньше чем на пятьсот страниц. Делаю подстрочник, обрабатываю: все честь по чести. Посмотрим, что тогда скажут наши бабы... А то – работать, дескать, не умею... Не переводчик по специальности, а искусствовед... Ничего, я им покажу мастерство перевода... Пора выходить на дистанцию...»

Она пожалела, что не взяла с собой какую-нибудь книжонку – из тех, что не жалко почистить, лежа в ванной. Алла давно пристрастилась к легкому чтению в горячей воде – это помогало ей расслабиться, по-настоящему отдохнуть.

И тут ей показалось, что из-под прикрытой двери ванной потянуло сквозняком и раздалось легкое жужжание. «Откуда?» – удивилась Алла и привстала, чтобы отодвинуть плотную пластиковую занавеску.

Сквозняк и жужжание усилились. Скрипнула дверь. Алла замерла со скомканным краем занавески в руке, отчетливо различая через полупрозрачный пластик очертания фигуры. «Бред, – подумала она. – Я пересидела в ванной, и мне кажется».

На нее нашло странное оцепенение. Она определенно видела кого-то сквозь занавеску, но говорила себе, что это сон... Что все сейчас исчезнет.

Но силуэт не исчезал, оставаясь безмолвным и неподвижным. Алла поняла, что больше не выдержит. Ее затрясло так, что вся занавеска дрожала вместе с ней. Она не отдергивала ее, это сделала чужая рука. Женщина совершенно оцепенела, но, когда увидела, кто оказался перед нею, смогла все же выдавить побледневшими губами несколько слов:

– А... Так это вы...

Больше она ничего сказать не успела. Перед ее глазами мелькнул и упал ей на грудь включенный в сеть фен. Потом был удар – белый, голубой, оглушительный, разрывающий сердце...

А Даша в это время уже сидела дома. Домом ей приходилось называть свою длинную и узкую комнату в коммуналке. Кроме нее, здесь обитала еще Настасья Филипповна – весьма дряхлая на вид бабка с железными нервами и непреклонным характером. Из одежды та предпочитала махровые залатанные халаты и чепчики из старых мужниных кальсон. Из еды – все пряное и острое, и главное – побольше. Из окружающего мира вообще – мужчин. Женщин, за исключением себя самой, Настасья Филипповна презирала, ненавидела и считала безнравственными и жестокими особами. Дашу она не любила по многим основательным причинам: во-первых, из-за ее половой принадлежности, во-вторых, за то, что комната Даши была у самого туалета, так что Настасья Филипповна боялась, что однажды соседка резко откроет дверь и убьет ее, старуху, как раз в тот миг, когда она будет выходить оттуда... В-третьих, Даша была красива. В-четвертых, мужчинам она нравилась куда больше, чем Настасья Филипповна. В-пятых... В-шестых... Словом, причин хватало.

В связи с которой из этих причин Настасья Филипповна устроила сейчас скандал – трудно разобраться. Но Даша и не пыталась. На душе у нее было одновременно пусто и тяжело. Она едва заставила себя сходить на кухню за чайником, налила кофе, но не притронулась к нему. Села за стол, положила голову на руки и заплакала.

– Он ничего ей не сказал... – прошептала она сквозь слезы, как будто это было самым важным... Даша заставила себя вытереть глаза и попыталась вспомнить все, что сообщила ей Алла.

«Значит, он сказал ей, что едет в Венецию на три месяца... А мне... Мне обещал, что скажет ей все. Наконец скажет ей все. И в тот день... В конце ноября... Он пришел ко мне и

заявил, что Алла уже обо всем знает... Что она отпустила его, но попросила не тревожить ее звонками и показным сочувствием... Я даже ахнула. Не ожидала! А потом всю ночь проплакала, потому что ее жалела... Даже к Аркадию притрагиваться не могла... Не по себе было... Сколько я мучилась тогда, что он бросил ее! Сна лишилась, похудела... С одной стороны – безумно счастлива была, что он у меня, со мной живет! С другой... Как подумаю о ней – и все отравлено, вся радость...

Даша сорвалась из-за стола и зашагала по комнате, благо расстояние было очень даже приличным – в длину комната составляла восемь с половиной метров.

Правда, в ширину всего три, так что мебель пришлось расставить вдоль одной стены по струнке – обеденный стол, два стула, шкаф, кровать, трюмо, буфет... У самой двери стояла вешалка для верхней одежды и подставка для обуви – в связи с коммунальной войной вещи в коридоре держать было невозможно. Настасья Филипповна, словно невзначай, обливала Дашино пальто супом или роняла в ее туфли грязную тряпку... «Я бабка старая, глухая, слепая, – напевно сообщала Настасья Филипповна разъяренной Даше. – Ой! Как ты кричишь! Сейчас сына позову!»

Даша остановилась у окна и снова заплакала – на этот раз совсем тихо, из последних сил. Теперь она плакала о нем.

– Это была любовь... Это была любовь... – Даша повторяла эти слова несколько раз, на все лады, пока они не потеряли для нее смысл. «Когда он уезжал в Венецию, сказал, что вернется ко мне... Только ко мне... Я радовалась. Я собирала его в дорогу. Все постирала. Мне даже это нравилось, потому что для него...» Эта мысль особенно щемила сердце, как будто стирка рубашек Аркадия было главным, о чем она жалела.

«И я его ждала... Он сказал, что не будет звонить, понятно – дорого ведь... А теперь... Теперь выясняется, что он просто трусил! Ничего не сказал ей, побоялся... Конечно, Алла так просто не сдалась бы! Сколько она с ним мучилась! У нее как раз такой случай, когда жена не может бросить опустившегося мужа, как бы он ни измывался над ней... Сколько таких жен ходит в клинику... И я всегда удивлялась – почему терпят?! Почему?! Я-то понятно, мне за это платят... Но они?! Иногда молодые, красивые, работающие, самостоятельные, как Алла... Но крепко держатся за своего мужика... Любовь? Да откуда ей взяться, любая женщина призадумается: а стоит ли любить такого человека... Так что же? Материальные расчеты? Тоже нет, ведь такие господа все тащат из дому, а не в дом... А потом я поняла. Они не могут бросить мужей нипочему. Вот так – нипочему. Потому что не знают причины. Не имеют объяснений».

Она опять подумала об Алле.

«Аркадий как раз выбрался, получил работу... Просвет в жизни, и она считала, что благодаря ей. Ничего она не знала. Ничего... Что ходить он ко мне начал сразу же, как выписался... Сначала в больницу, потом сюда... Не знала, что я удерживала его, как могла... И могла! И смогла! Ведь был же результат! Почти год – ни одного укола! Ни одного срыва! Потому что дело не в лечении... Дело, сказал он, в том, кто рядом с тобой... В женщине. В любящей женщине».

Она повернулась и прошлась по комнате. Когда ходила, боль казалась не такой сильной. Думала о Венеции, о скульптурах Аркадия и о его смерти. В Венеции Даша, естественно, никогда не бывала. Она вообще нигде не бывала, кроме родного Пскова. Там она жила с матерью до шестнадцати лет, пока из Питера не пришла весть – отец умирает, хочет видеть дочку. Тогда она впервые увидела отца после многолетнего перерыва. Ее поразило, как он стал худ и желт. У него была тяжелая язва и добрая половина желудка уже удалена. Он успел прописать наследницу Дашу на своей жилплощади, а сам вскоре умер, так толком и не поговорив с дочерью. Даша в Питере одна жить не стала – вернулась в Псков. Однако мать убедила ее переехать.

«Здесь тебе делать нечего, – говорила она, глядя на дочь странным, оценивающим взглядом. Так на Дашу смотрели женщины на улице. Мужчины же смотрели совсем по-другому. –

Давай-ка сразу поступай, куда задумала. И не бойся ничего. Я тебе деньгами помогу на первых порах».

Даша задумала медицинское училище, на институт даже не замахивалась – не хватало уверенности в своих силах. Девушка ставила перед собой цели простые и выполнимые.

Став столичной жительницей, она очень мало переменилась. И на душе, и на сердце у нее стояла прежняя, еще псковская тишина. Даша училась, подрабатывала в ночной аптеке и сама себе казалась взрослой. Но по ночам, заперев дверь, тайком играла привезенными из дома куклами. Аккуратно ездила к матери – раз в полгода, когда дела отпускали. Аккуратно выполняла все, что от нее требовали в училище и на работе. И у всех складывалось мнение, что Даша – девица милая, скромная, но недалекая и тихая... Тише, чем надо. И многие любили Дашу за тихость. Не перейдет дорогу, куска не перехватит из-под носа... И сама она считала себя тихоней. Но в отличие от других не любила себя за это.

«Ничего, – иной раз думала она, глядя в зеркало. Там отражалась девушка, похожая и не похожая на Дашу. Те же волосы, губы, глаза, те же длинные тени от ресниц на смуглых щеках. Но девушка эта казалась способной на многое. На что? Даша не знала. Она просто рассматривала себя и говорила: – Ничего! Еще что-то со мной произойдет... Я чувствую, что это не конец... Это просто так... Ожидание...»

Даша ощущала, что ей надо чего-то ждать, но чего? Когда в один из дней в больничном коридоре ей встретился мужчина в синем растянутом халате, она отметила про себя – вот еще один новенький. Потом узнала, как его зовут и кто он такой. Потом познакомилась с его женой – измученной и очень интересной, как показалось Даше. А потом почему-то стала избегать его. Проходя мимо, отводила взгляд. Не сразу откликалась, что совсем было ей не свойственно. Потом Даша поняла. Это был Он.

Глава 4

– Даша!

– Да, иду!

В то утро любой окрик казался ей слишком резким, любой взгляд – сердитым. «За что они все на меня окрысились?» – думала Даша во время обычной беготни по палатам.

На душе у нее было так тяжело, что пришлось выйти на минутку на лестницу и постоять на площадке на своем любимом месте между этажами.

Тут они говорили с Аркадием в последний день перед его выпиской. Вот-вот должна была прийти его жена, он нервничал, теребил в пальцах потухший окурок. Даша принесла сигареты, но забыла отдать сразу – они лежали у нее в кармане, она вспомнила об этом в последний миг. Говорила ему, что не сможет обманывать Аллу. Что вообще ничего не хочет, если все будет так – втихомолку. Он кивал, соглашаясь с каждым ее словом. И она радовалась, видя это. Согласен, значит, сделает все, как уговорились. Все расскажет жене. Сделает так, чтобы она отпустила его к Даше. А если не удастся – они расстанутся. Не будут больше встречаться.

– Даша! – Наверху, в отделении, кто-то открыл дверь и позвал ее. – Поднимайся, сейчас обход!

– Да, иду! – откликнулась она и осталась на месте. Заставила себя не думать о нем.

Но мысли возвращались к одному и тому же – вот Аркадий выписывается из клиники, звонит ей поздно вечером... И Даша понимала, что он делает это в то время, как выносит ведро. Она знала, где находятся мусорные баки у его дома, а где – телефон-автомат. Заметила, когда бывала в гостях у Аллы. Каждый вечер она как бы видела Аркадия внутренним взором – вот он вышел из квартиры с ведром в руке, пересек двор, вот быстро спрятал ведро за баки, бегом бросился в подворотню и оказался на углу Среднего проспекта и Шестой линии. Там – телефонная будка, которая, слава Богу, работает. Он набирает ее номер, в коммунальной кухне раздается звонок. Даша берет трубку и слышит его голос.

Этот голос говорил с ней отрывисто, сбивчиво, как будто за ним гнались.

«А за ним на самом деле гнались, – подумала Даша. – Гналась его больная совесть, ведь он так переживал, что скрывает меня... А может быть – что обманывает Аллу... Теперь мне уже не узнать, чего было больше в этом укрывательстве – страха за свой покой или жалости к ней. И все равно он оказался трусом. Обыкновенным женатым трусом. Про каких рассказывают девчонки в отделении. Каких тысячи и миллионы...»

Но на самом деле она знала, что таких больше не было. Хотя бы потому, что никто из мужчин не останавливал на Даше таких глаз – глубоких, серых, оттенка, какой бывает у грозовой тучи перед летним ливневым дождем...

Их свидания проходили в одном из садов – в Летнем, в саду позади Михайловского дворца или в маленьком, но уютном садике возле академии в Соловьевском. Она дожидалась его. Всегда приходила пораньше, зная непунктуальность Аркадия. Ей приходилось быть точной за двоих. Вставала навстречу, брала его за руку и целовала в теплую белую шею, в темную родинку, похожую на прилипшую ягодку изюма. Он тоже целовал ее, осторожно прижимая к себе. И она чувствовала, какими сильными могут быть его худые руки.

Потом они гуляли по аллеям, стараясь оставаться в тени деревьев – так хотела Даша. Аркадия это обижало, но она мягко возражала: «Если уж ты прячешь меня, то прячь до конца... Какая разница – звонок или прогулка?»

Даша в глубине души надеялась, что «воспитательная работа» оставит свой след. «Боже, какой я была глупой!»

Она все стояла на лестнице. Подышала на холодное стекло и провела по нему пальцем. Один раз. Другой. Вышла галочка. Подрисовала к ней перекладину, и получилась буква «А».

Мысли ее вернулись к Алле.

«Вчера она умоляла меня остаться. Что это было такое? Одиночество? Страх перед пустой квартирой в первые дни после похорон? Надо позвонить ей».

Она вернулась в отделение и, улучив момент, когда вокруг никого не было, взяла трубку городского телефона и набрала номер подруги. Ей ответили долгие гудки. «Конечно, она на работе».

Попробовала позвонить Алле и в конце своего дежурства – напрасно. Трубку никто не поднял. Даша положила ее на место, посмотрела на часы и увидела свою сменщицу Ольгу. Та, уже облачившись в халат и шапочку, лениво листала иллюстрированный журнал, принесенный с собой. Девушки поздоровались.

– Бледно выглядишь, – отметила без снисхождения сменщица, бросив оценивающий взгляд на Дашу.

Та вздохнула. Ольга была очень светлой, белесой блондинкой с легкими волосами-паутинками и розоватой кожей. «Поросеночек», – звали ее в отделении за глаза. Ольга активно красилась, пользовалась накладными ресницами и алой помадой, так что про нее-то нельзя было сказать, что выглядит она бледно. Но Даша предпочитала не развивать дискуссию на тему о красоте искусственной и естественной, а поспешила сдать дела. Но та, предчувствуя скуку очередного дежурства, не хотела ее отпускать.

– Как твой? – бесцеремонно спросила она. Об Аркадии Ольга знала. «Подслушала, конечно!» – решила Даша. Узнала еще во время его лечения и с тех пор никогда не забывала спросить, как поживает он сам и как – его жена.

– Он не мой, – монотонно ответила Даша.

– Ну, понятно, что не твой, – согласилась сменщица. – Но дело-то у вас идет к тому? А?

– Дело уже ни к чему не идет. А он не только не мой, а вообще уже ничей. Он умер.

Ольга с трудом взмахнула густо накрашенными ресницами – своими и приклеенными. Потом изобразила на лице ужас и сочувствие.

– Что ты говоришь! – медленно протянула она. – От того самого?

Даша ее прекрасно поняла:

– Да. Видишь – не вылечили.

Ольга только махнула рукой:

– А я всегда была уверена, что у нас вылечить не могут. И вообще нигде не могут. Это неизлечимо. А такие, как он, вообще не вылечиваются. Я давно хотела посоветовать тебе бросить его, да все...

– Все хотела посмотреть, чем у нас кончится, верно? – простодушно спросила Даша, и Ольга, не сразу сообразив, энергично закивала. Потом до нее дошло, и шея сменщицы залилась багрянцем.

– Это я понимаю, – спокойно продолжала Даша, облачаясь в дубленку и накидывая на плечо ремешок сумочки. – Я бы тоже посмотрела. Со стороны. Из первого ряда. Пока.

Ольга погрузилась в журнал. Она раскрыла его где-то посередине и перегнула пополам. В глаза Даше бросилась иллюстрация – стена какого-то дворца, блестящая вода канала перед ней. Из воды торчали палки. А снизу написано: «Венеция – город на лагуне».

«Этого еще не хватало».

Даша почувствовала, как судорога перехватывает ей горло. Она сама не заметила, как вышла из отделения, потом из клиники, пошла по улице к метро.

У нее перед глазами одна за другой вставали картины – словно раз за разом прокручивался эпизод из неведомого фильма. Какой-то канал. Дворец. Небо над каналом и дворцом. Аркадий написал ей письмо из Венеции.

«Здесь очень синее небо. Я только что приехал, и мне тут понравилось. Только тебя нет. А так есть все для работы. Я буду работать и скоро вернусь к тебе».

«Странно, как трудно давались ему письма! – подумала она. – Он мог говорить часами, да так, что заслушаешься. А письма писал смешно и коряво, как мальчишка. Даже делал ошибки. Неправильно ставил запятые».

Ей снова захотелось плакать, но слишком силен был мороз. Она прибавила шагу и вошла в здание метро. Показала проездной, спустилась по эскалатору. Дождалась битком набитого поезда. Втиснулась. Замерла. Закрыла глаза.

«Станция «Василеостровская», – прогудело в динамике вагона. С шипением раздвинулись внутренние и внешние двери, и Даша сама не поняла, что ее вынесло наружу – поток выходящих людей или ноги, повинующиеся собственным желаниям. Ей вдруг захотелось увидеть Аллу.

«Все рассказать, – Даша задрожала, когда осознала, чего же она на самом деле хочет. – Сказать все. Что Аркадий мечтал уйти от нее. От своей спасительницы, ведь она так себя называла. Что ему это спасение было хуже любого наркотика. Сказать ей, что он мог быть здоров только в том случае, если бы жил со мной. Что он давно уже любил меня».

Даша оказалась наверху. Она стояла на перекрестке Среднего проспекта и Шестой линии и смотрела на поток машин. Дождавшись зеленого света, перешла улицу и двинулась знакомой дорогой. Даша ужаснулась задуманному, пыталась внушить себе, что такое объяснение никому не поможет, никого не спасет... Что оно основано на простой жестокости, на жажде отомстить, предъявить на Аркадия права. Но остановиться не могла.

«Если бы это было так просто... Если бы это была месть. – Она пыталась оправдаться перед собой. – Но это все равно что мучиться жаждой, а потом выпить воды. Я больше не могу молчать, не могу держать это в себе. Что же это за счастье такое было у меня, если я даже рассказать о нем никому не смела?!»

Она поднялась по лестнице и позвонила в дверь Аллы. Подождала некоторое время, посмотрела на часы. Позвонила опять.

«Где она бродит?» – удивилась Даша.

Решила дождаться ее, машинально оперлась плечом о дверь (стена подъезда не показалась ей слишком чистой) и чуть не упала прямо в прихожую. Дверь оказалась отперта.

– Алла? – Даша недоуменно ступила внутрь квартиры и повертела головой. – Ты дома?

«Ведро выносит? Уснула? – продолжала удивляться она. – Почему дверь оставила открытой? С ума сошла, тут же центр... Бродят бомжи...»

Даша постояла в нерешительности и все же прикрыла за собой дверь, задвинув щеколду. Разделась, сняла сапоги, обула тапочки, которые Алла держала для гостей женского пола, – почти новые тапочки, гостей захаживало немного. Прошла на кухню. Там заглянула под раковину и удивилась – ведро было на месте, хотя явно нуждалось в том, чтобы его вынесли.

«Все, Алла, прошло то время, когда он бегал с ведром по вечерам, – горько усмехнулась она. – А если бы не звонки мне – ни за что бы не побежал. Ты ведь сама жаловалась в больницу, что Аркадий отошел от домашних дел. И от супружеских тоже...»

Ей пришло в голову, что Алла могла на минутку выйти к соседям. Мало ли зачем – спички, к примеру, одолжить... Хотя зажигалка и сигареты Аллы лежали на столе.

Даша нервно прошла по кухне. Слишком разгуляться не позволяли габариты панельного дома – два шага в одну сторону, два в другую... Посмотрела на свои руки – не слишком чистые, и отправилась в ванную.

– Ты с ума сошла! – воскликнула она, увидев подругу сквозь пластиковую занавеску.

Та принимала ванну и даже не соизволила повернуть головы в ее сторону.

– Я сейчас уйду, раз я некстати, – продолжала она, не глядя в сторону Аллы, чтобы самой не смущаться и ту не смущать. – Можешь не вылезать. Я пришла затем, чтобы сказать, что Аркадий провел два месяца у меня. Так что не волнуйся – он не колосся. А по приезде он подал бы на развод.

Слышала Алла или нет – она не издала ни звука. Даше стало холодно от этого молчания. Потом поняла, что холод исходил не только от полной тишины, последовавшей за ее словами. В самой ванной оказалось холодно – а ведь Алла должна была сидеть в горячей воде.

– Алла...

Что-то мешало ей уйти сразу, не услышав ответа. Любого ответа, даже состоящего из оскорблений. Но та молчала. Дашу начинало трясти.

– Я уйду, раз ты молчишь. Может, ты и права.

Алла и тут ничего не ответила, и Даша ощутила страх. Главным источником его были неподвижность и безмолвие подруги – вода в ванне не плескалась, даже дыхания ее не слышно.

– Алла! – Даша решительно отдернула занавеску. – Тебе плохо?

Но тут же стало ясно, что Алле сейчас не плохо и не хорошо. Ей никак. Даша сразу поняла, что подруга мертва, но причину этого увидела чуть позже – включенный в розетку фен покоился на теле, прикрывая низ живота.

Она выскочила из ванной и кинулась к телефону. Помедлила. «Что вызывать? – мелькнуло у нее в голове. – «Скорую»? Она покойников не возит...» Даша нашла в телефонной книге нужный номер и вызвала бригаду из морга.

– Кто констатировал смерть? – раздался голос в трубке. – Был врач?

– Я сама врач, – сказала Даша жестко. – Здесь несчастный случай. А мертва она уже давно, мне кажется.

Машину обещали прислать.

Даша бросила трубку и задумалась.

«Дверь была открыта. Черт возьми, но почему? Алла забыла закрыть? Маловероятно... Она ведь не страдала провалами в памяти, наоборот – у других это свойство все забывать очень ее раздражало. Может, вызвать еще и милицию?»

Даша позвонила в местное отделение.

– Алло, я не совсем уверена, что надо вызывать, – быстро начала она. – Тут женщина умерла в ванной от фена.

– От чего? – переспросили ее.

– Сушила, видно, феном волосы в ванной, а тот упал в воду, и сейчас там лежит... – пояснила Даша. – И дверь в квартиру открыта.

– А вы кто?

– Подруга ее. Вы приедете или можно ограничиться машиной из морга? Тут все ясно, знаете ли. Мертва. И давно.

– Приедем, – сказали ей. – Ваше имя и адрес?

– Дарья Воронина, – ответила она. – А чей адрес?

– Ее.

– А если из морга раньше вас приедут – тело не отдавать?

– Дождитесь нас!

– А вы плохо их знаете, – возразила Даша. – Будут ругаться, что зря приехали. Приезжайте побыстрее и сами с ними ругайтесь!

– Девушка, вы не волнуйтесь. – В голосе дежурного прозвучал смешок. – Надо будет – поругаемся. Вы оттуда пока тоже не уходите.

Она пообещала, что не уйдет, и в изнеможении опустилась на диван. Потом, снова что-то вспомнив, вернулась в ванную. На этот раз занавеску отодвинула с помощью зубной щетки – чтобы не смазать отпечатки пальцев.

«Хотя моих отпечатков тут теперь предостаточно. Да, как же это она так... Умерла уже давно. Окопение... Голова наверху... Сушила волосы... Страшная смерть, хотя не страшнее любой другой, наверное. Алла... Аккуратная, даже слишком аккуратная и исполнительная, в противоположность своему мужу. И она должна прекрасно знать, что с электричеством в

воде не шутят. Удар током, наверняка остановка сердца. Глупая и страшная смерть. Хотя она, наверно, умерла быстро. Шок, потом она не должна была оправиться...»

В коридоре слышались голоса. Она торопливо вышла.

– Вы... Бригада или милиция?

Двое вошедших были одеты в длинные темные пальто, модные в этот сезон. Младший энергично сморкался в огромный платок, старший критически рассматривал Дашу.

– Бригада, – наконец отреагировал он. – Где труп?

– Труп в ванне, – ответила она, соображая, как воспрепятствовать извлечению и увозу тела. – Но его нельзя трогать до приезда милиции.

Как и ожидалось, они разозлились. Младший отнял платок от красного маленького носа и сердито фыркнул на Дашу:

– А вызов зачем делали? Зачем тогда нас вызывали, если тут еще милиция нужна?

– Вы тоже нужны, – оправдывалась Даша.

– У нас еще четыре трупа, – вмешался старший. – Один полуразложившийся. Делать нам нечего – вашу дамочку караулить. Вы кто?

– Знакомая, – растерянно сказала девушка. – Подождите немножко, я вас прошу. Милиционер сказал, чтобы вы подождали!

– Милиционер сказал? – почти издевательски спросил старший. – Уходим!

И они было ушли, но тут на пороге появились новые гости – два милиционера в форме, с автоматами наперевес. У Даши гора с плеч свалилась, и она четко сообщила:

– Труп в ванне лежит... Только, по-моему, это несчастный случай.

– Не важно, – ответил один из милиционеров. Другой обменялся парой слов с бригадой из морга, и те вместе отправились в ванную. Возвращались они оттуда поодиночке, почему-то строго поглядывая на Дашу.

– Что такое? – испугалась она. – Я ее не трогала! Я даже занавеску второй раз щеточкой отодвинула!

– Ладно, – кивнул милиционер. – С занавесочкой разберемся. Давно нашли?

– Сразу вам позвонила, когда нашла, – честно ответила девушка. – А «скорую» вызывать не стала... И так все понятно, не хватало мне еще ругаться за ложный вызов. Вы ее заберете?

– Мы – нет, – ответил милиционер и пригласил Дашу отойти в сторонку. – Ваши документы!

Даша документы предъявила и обстоятельно все рассказала. Разумеется, она умолчала о цели своего посещения и о своих отношениях с покойным мужем Аллы. Все остальное выложила как на духу. Ее внимательно выслушали. Потом милиционер обратился к бригаде, совсем уже озверевшей от простоя.

– На экспертизу ее, – сказал он, кивая в сторону ванной. – Я результаты запрошу.

– Давай вниз, веди Тешкина с носилками, – сказал старший молодому, и тот вышел из квартиры. Вторым милиционер тем временем осматривал комнату.

– Ничего не пропало? – обратился он к Даше. Та пожала плечами:

– Откуда мне знать? Я тут бывала редко. А в последний раз вообще очень давно... Может быть, с тех пор что-то и пропало.

– А вчера? – возразил милиционер. – Вы же говорили, что вчера навестили вашу знакомую?

– Вчера я не проходила в комнату, – пояснила она. – Мы сидели на кухне, потом я пошла домой. На кухне точно ничего не пропало, но там и пропадать нечему было.

– Деньги на месте, – негромко сказал один милиционер другому. Он осторожно отогнул край бумаги, в которую была завернута тощая пачечка долларов, и показал ее напарнику. Тот кивнул.

– А что с ней случилось? – спросил он у Даши. – Часто она забывала запереть дверь?

Та покачала головой:

– Насколько я ее знала – была очень аккуратна. Но в том состоянии... Я ведь говорила – у нее муж недавно умер. Шестнадцатого февраля...

– А подробней? – заинтересовался наконец милиционер. – Отчего умер?

– От большой дозы наркотиков, – призналась нехотя Даша. – Он их регулярно употреблял. Но тут их нет. – Она заметила движение милиционера. – Тут ничего нет. Он умер в Венеции, где работал в последнее время. Алла привезла его тело оттуда, и вот... Видимо, сильно переживала, хотя старалась не показывать этого. Я, честно говоря, думала, что она владеет собой.

Даша сделала паузу, раздумывая, не сболтнула ли лишнего. Милиционер подбодрил ее:

– Ну, так что ваша подруга? Думаете, могла пойти на самоубийство?

– Что вы?!

Милиционер переключился на родню покойной:

– Родители у нее живы?

Девушка ответила утвердительно.

– Еще кто-нибудь?

Она вспоминала и попутно проклинала свой болтливый язык.

«Какого черта я пустилась в откровения с ментом? Когда я домой теперь попаду! Настасья Филипповна как раз будет торчать на кухне, в это время у нее перерыв между двумя сериалами... А так можно было бы спокойно приготовить ужин».

– У нее есть свекровь, – вспомнила она. – Еще кто? Не знаю... Точно знаю, что родни было мало, и почти никто с ней не общался. Из-за мужа.

Входная дверь широко распахнулась, и на пороге возник могучий мужик – видимо, Тешкин. Старший из бригады шел за ним. Ни на кого не глядя, они прошли в ванную, и Даша поежилась, услышав плеск воды.

– Вы меня не отпустите? – нерешительно спросила она у милиционера. – Мне пора домой... Я не думала долго задерживаться.

– Ладно, – вздохнул он в ответ. – Вы, если что, в отделение заедете... Живете рядом?

– На Кораблестроителей. Неужели отпускаете?

– Идите, – милостиво сказал милиционер. – Дайте адрес.

Даша продиктовала адрес и ушла, не чуя под собой ног. На площадке к тому времени собралась маленькая толпа – старичок из соседней квартиры, старушка – вероятно, его жена, молодая девица с набитым жвачкой ртом и здоровенная баба в байковом халате. Все дружно глазели на дверь, из которой вышла Даша, и шептались. При ее появлении смолкли. Старичок храбро выступил вперед.

– Что там такое? – спросил он своим визгливым высоким голосом. – Ограбили квартиру или нет?

– Убили Аллу, что ли? – обратилась к ней баба в халате. – Допрыгалась девка!

– Почему вы сказали – допрыгалась? – спросила неизвестно зачем Даша.

– Допрыгалась – потому что за границу на работу ездила и доллары имела, – пояснила баба. – А дверь давно пора было ставить железную. И вам я то же самое говорю, – обратилась она к старичкам.

Те только замахали руками:

– Что ты, Ирочка! Да откуда у нас деньги на железную дверь?! У нас и брать-то нечего!

– Сейчас ни за что убьют, телевизор надо смотреть, – угрожающе предупредила баба и со жгучим интересом повернулась к Даше. – А там милиция сейчас?

– Да, – кивнула она. Обернулась на дверь, посторонилась – оттуда медленно и величественно выплывал Тешкин, держа передок носилок. На носилках лежало что-то плоское, и трудно было поверить, что это тело женщины.

Те, кто стоял на площадке, присосли к месту. Старики замерли как парализованные, баба шумно задышала, девица отвернулась, еще энергичнее зачавкав жвачкой.

Тешкин с молодым помощником, усиленно фыркавшим и сопевшим простуженным носом, спустились по лестнице, маневрируя на поворотах носилками с грузом, пристегнутым поверх ткани ремнями. Милиционеры не выходили, зато появился старший бригадир из морга. Он обратился к девушке неожиданно тепло:

– Увезли вашу подружку... А вы что тут загораете? Шли бы домой...

Даша вышла из подъезда, пересекла двор и оказалась на улице. Машинально посмотрела на часы. Девять.

«Привет родителям... – как-то вяло подумала она. – Теперь Филипповна не уберется с кухни до ночи. Что ж, придется обойтись без ужина. Или уж караулить яичницу – бабка и плюнуть в нее может...»

Но Настасья Филипповна оказалась неожиданно мила и добра. Дашу это нисколько не обрадовало – она-то знала, что такой старушка бывает только накануне большой гадости. Гадости же Настасья Филипповна готовила заранее и отличалась при этом необычайной изобретательностью. Даша внутренне взмолилась, чтобы возможная гадость была намечена не на нынешний вечер – пожалуй, на сегодня будет слишком.

Она разделась и переобулась у себя в комнате, вымыла руки на кухне и молча взялась готовить незатейливый ужин. Филипповна ошивалась здесь же и развлекала Дашу воспоминаниями своей молодости.

– Мы, конечно, тоже могли поразвлечься... – как всегда обобщенно говорила она, помешивая кашку в кастрюльке.

На голове у нее этим вечером красовался необычный чепчик из веселенького желтого полотенца. В этом головном уборе старушка выглядела сущим божьим одуванчиком. Посторонний человек не смог бы смотреть на нее без умиления или смеха, но Даше эти чувства были давно чужды. Она ни словом не откликнулась на болтовню Настасьи Филипповны, которая ровным потоком лилась все дальше:

– Мы и на каток могли сходить, и на танцы... Не то что нынешняя молодежь. Нет. Разве теперь умеют веселиться?

Настасья Филипповна махнула рукой и чуть не пролила кашку на плиту. Кухня огласилась громогласными охами и проклятиями, которые непонятно кому адресовались. В общем и целом они сводились к тому, что ей, больной и слепой старухе, никто даже не думает помочь. Вот в ее-то время...

Даша по-прежнему не поворачивала головы. Это невнимание бесило Настасью Филипповну больше всего. Она отбросила церемонии и перешла прямо к делу.

– Да! – с невыразимым сарказмом заявила старуха, глядя прямо на соседку. – Мы-то не гуляли!

– Говорите – на каток ходили, – вымолвила наконец Даша. – Как же не гуляли!

– Да разве я про это?! – воскликнула Настасья Филипповна. – А вот так, как некоторые. Чтобы жить сначала с одним, потом с другим... Всю квартиру загадили, сволочи!

Бабуля перешла к непарламентским выражениям, и Даше волей-неволей пришлось обернуться. Долше молчать и надеяться на мирный исход вечера было невозможно.

– На кого это вы намекаете? – задала она бессмысленный вопрос, потому что прекрасно знала, что намекать старуха может только на одну персону. – И что вы имеете в виду?

– Сама знаешь, что имею! – храбро отвечала та. – Сначала с одним жила... С этим худющим. Скелетом этим! Теперь вот другого водить будешь!

– Вы что это, Настасья Филипповна? – изумилась Даша. – Кого это я водить буду?! С чего вы взяли?

Старуха ядовито сощурилась.

– А то мы не знаем! – пропела она. – Жениха своего нового водить будешь! Если бы я знала, что тут бордель будет, разве я дала бы твоему отцу тебя прописать на жилплощади! Он меня только ради своей болезни уговорил, а ты мне тут сто лет не нужна!

– Вы, Настасья Филипповна, пейте шалфей, – посоветовала медсестра. – Что-то лицо у вас прямо трупного цвета.

Та взвилась, как смерч, и даже сделалась выше ростом. В первое время этих коммунальных ссор Даше было совестно ругаться со старухой, но вскоре она поняла, с кем имеет дело.

– А вот посмотрим! – шипела Настасья Филипповна, приблизившись к Даше на опасно близкое расстояние.

Та, словно невзначай, подняла с плиты кастрюлю с кипятком, в который только что собиралась бросить макароны, и развернулась к соседке. Бабуля мигом удалилась на другой конец кухни и оттуда прокричала:

– Проститутка! Тебе опять мужики звонят!

– Вы, Настасья Филипповна, ни Бога, ни милиции не боитесь, – уже спокойно сказала Даша, отправляя макароны в кастрюлю и тщательно их размешивая. – Я ведь тоже не без прав... Что вы меня все жилплощадью тычете? Я так же тут прописана, как и вы.

– Я тут с девятьсот пятого года живу! – несколько остыв, ответствовала старуха.

– Ясно, с «Кровавого воскресенья», – кивнула Даша. – А я с восемьдесят восьмого. Ну так что? За хулиганство я вас притяну и без «Кровавого воскресенья»... Вы лучше сказали бы, кто звонил.

– Мужчина, – немедленно ответила та. – Очень даже приличный голос.

– Не назвался?

– Сказал только, что знакомый и что еще позвонит.

– Ну и откуда вы взяли, что это мой любовник? – не без ехидства спросила Даша, прикрывая кастрюлю крышкой и подхватывая ее за ручки, обмотанные полотенцем. – Он что – так и сказал?

– Может, и не сказал, да голос у него был такой... – заявила проницательная старуха. – Меня не проведешь. Вот что, Дашка! Если ты снова хахаля на проживание приведешь или еще что, я тебя отсюда выселю! Запомни!

Девушка не отреагировала. Ссора по всем признакам утихала.

Даша ощущала невыносимую усталость. Ей уже не хотелось есть. Ей было неинтересно, на самом ли деле Аркадий собирался уйти от жены. Ей было не важно, почему Алла не закрыла дверь своей квартиры, почему фен выскользнул у нее из рук... Ей хотелось одного – лечь и уснуть, не умываясь на ночь, не приняв душа, не намазавшись кремом... Лечь и забыть обо всем. О каждом дне этого года и о последних днях – в особенности.

Настасья Филипповна тоже поняла, что Даша выдохлась и больше ничего интересного не будет, съела последнюю ложку каши и потащила к себе в комнату, громко охая по дороге и жалуясь стенам, что ее, старуху, бедную, больную и слепую, все бросили, оскорбляют и обижают. Потом в конце коридора раздался мощный лязг задвигаемого засова – Настасья Филипповна заперлась на ночь. Даша поставила макароны на стол и неслышно заплакала.

В этот миг зазвонил телефон.

Глава 5

– Даша? – спросил незнакомый мужской голос.

«Всем я сегодня нужна, – с досадой подумала она. – Стоит чему-то случиться, и меня уже ни за что не оставят в покое. Когда надо ехать к матери – прибавляют мне дежурства или Настасья Филипповна начинает разборку. И вот – пожалуйста! Наверняка кто-то заболел и меня ставят на замену».

Даше показалось сперва, что звонит главврач – его голос она слышала очень редко, а по телефону и вообще бы не узнала. И только спустя минуту, когда Даша уже ответила, что это она, собственной персоной, поняла, что ошиблась.

Голос звучал весьма напористо и уверенно. Могло создаться впечатление, что человек этот прекрасно знает Дашу, но она-то уже осознала, что незнакома с ним.

– Мне срочно надо повидаться с вами, – сказал он буквально в первые же мгновения.

Девушка порылась в памяти – не назначала ли с кем-то встречу? Не обещала ли что-то какому-нибудь напористому больному, который когда-то обхаживал ее? Но ничего подобного вспомнить не могла и потому сказала:

– Не знаю, о чем вы. Представьтесь, пожалуйста!

– Игорь Вадимович. Но мне кажется, мое имя вам ни о чем не говорит.

– Мне тоже кажется, – согласилась она. – Вы лечились у нас?

– Бог миловал, – весело ответил мужчина. – Нет, Даша, я звоню вам совершенно не по этому делу. Можете не беспокоиться, я знаю, как медики вашего профиля боятся таких звонков от незнакомцев.

– Простите, а по какому поводу звоните?

– Дашенька, я сообщу при встрече. Меня очень просили не говорить по телефону. Ваш друг просил.

– Кто? – удивилась Даша.

– Аркадий.

Сердце сделало несколько болезненных тяжелых ударов, и Даша испугалась, что выронит трубку.

Игорь Вадимович продолжал делать свои полунамеки-полуоткровения:

– Впрочем, может быть, я тороплю события. Сначала я должен задать вам вопрос.

– Да? – еще больше напряглась девушка.

– С ним... С вашим другом... Что-нибудь случилось или нет?

Даша не понимала ничего, не говоря уже о том, что стала бояться звонившего. Но все же откликнулась:

– А что вы под этим понимаете?

– Ну если, скажем, Аркадий потерял кошелек с зарплатой или сдохла его любимая кошка, можете об этом не сообщать. Меня интересуют вещи глобальные.

– Вот оно что... – Даша сглотнула слюну, неизвестно почему горчившую.

«Кто он такой? – стучало у нее в мозгу. – Спрашивает об Аркадии, а сам ничего не знает? Или это я так думаю, а он все прекрасно знает и хочет проверить, знаю ли я? Что делать?» Ей вспомнилась Алла. «Не говорить с ним откровенно, – решила Даша. – Сорвать разговор».

– Почему вы спрашиваете об этом меня? Обращайтесь к его жене!

Игорь Вадимович спокойно, как бы сожалея о ее скрытности, вдруг заявил:

– Я обращаюсь к вам только потому, что Аркадий просил меня об этом. Про жену, простите, он не упоминал. Я-то, честно говоря, думал... что вы и есть жена.

Даша не ответила. Впору было бросить трубку, чтобы никогда уже не разбирать этот вопрос: кем же она приходилась Аркадию и как ее следует называть? А мужчина продолжал:

– Так случилось с ним что-нибудь или нет? Пойдите, может быть, вам просто неудобно сказать мне по телефону? Я не ошибся?

– Нет никакого неудобства, – деревянным языком ответила Даша. – Он умер.

– Так, – пробормотал Игорь Вадимович. – А я-то думал – он пошутил...

– О чем вы?

– Надо встретиться, Даша. – Звонивший без паузы перешел в наступление. – Скорее. Вы можете сейчас?

– Зачем? – вяло ответила она. – Он умер, говорю вам.

– Вот об этом я и хочу поговорить!

– Зачем? – опять спросила Даша. – Я прекрасно знаю, что послужило причиной его смерти. И вообще, я хочу обо всем забыть...

Но он не уступал:

– Вы очень молоды, верно, Даша?

– Вообще-то не стара. А в чем дело?

– Да потому я спрашиваю о возрасте, что женщина постарше никогда не отказалась бы встретиться, чтобы узнать такие жизненно важные подробности, какие я хочу вам сообщить, – нравоучительно сказал Игорь Вадимович. – Я и так запоздал с этим звонком, надо было раньше. Да уж поручение больно того... Маловероятная история. Сам не верил. Он что – в Венеции умер?

«Знает он, во всяком случае, многое. – Даша задумалась. – Но какое ему дело до всего этого? И откуда он взялся? Аркадий просил позвонить мне? Почему он сам не позвонил?»

– Послушайте, – сказала она наконец. – Вы говорите неинтересные и не такие уж жизненно важные вещи. При чем тут жизненная важность, когда он умер? Оставьте подробности себе. Мне они уже не нужны.

«Я поняла бы, если бы он попросил денег, чтобы помянуть друга, – думала она тем временем. – Как водится у опустившихся типов. Не нравится мне, что у него мой телефон. Откуда? Аркадий дал?»

– Ну, девушка, знаете ли! Меня ведь никто, собственно, не вынуждал звонить. Только беспокойная совесть. Поверите ли – ночами не спал, все думал – не навредил ли я кому промедлением. А вам – непосредственно заинтересованному лицу – все до лампочки! Вот Аркадий удивился бы! Правду говорят: «Жизнь живешь – один умрешь».

– Вы постарайтесь не давать мне оценок. Я и так уже их наслушалась, и все только благодаря ему. Оставьте меня в покое. Уже поздно, и я ложусь спать.

– Не ложитесь пока, я сию минуту приеду, – бросил он в трубку. Даша взвилась:

– Я вас не зову! Вам никто не откроет! Разве что вы запаслись отмычками. Я не желаю иметь ничего общего с приятелями Аркадия, слышите?!

– О, тогда вы просто обязаны меня принять! – весело возразил мужчина. – Я ведь не приятель ему, мы едва знакомы. Можно сказать – знали друг друга пять минут, но бывают, Дашенька, минуты, которые многих лет стоят! Так я выезжаю?

– Не смейте!

– Посмею! – уверил ее Игорь Вадимович.

– Что за наглость! – Даша задыхалась от возмущения. – Я вызову милицию.

– Я сам милиция, – ответил ей мужчина и положил трубку.

Даша в ужасе заметалась по кухне. Первой мыслью было – действительно вызвать милицию и предупредить, что к ней собирается заявиться наркоман – неизвестный ей шантажист. Но тогда пришлось бы объяснять многие вещи – отчего наркоман выбрал именно ее объектом для шантажа, от кого узнал ее телефон и адрес, а тогда не удалось бы умолчать об Аркадии. А ей хотелось говорить о нем как можно меньше.

«Не приедет – пошутил, – говорила себе Даша, уйдя из ухни и запершись в своей комнате. – А если и приедет – не открою. Пусть ругается с Настасьей Филипповной. Уж она-то выпрет его отсюда. Идея! Даже не выйду! Пусть разбираются вдвоем».

Игорь Вадимович не обманул – не прошло и четверти часа, как заверещал звонок. Даша услышала, как за стеной закрипела кровать – старуха ворочалась. Потом загремел засов на двери.

– Кого Бог принес? – возгласила бабуля. Даша затаила дыхание. Игорь Вадимович что-то сказал Настасье Филипповне через дверь. Старуха решительно ответила:

– А уже полночь! Даже больше! Здесь коммунальная квартира, тут нечего ходить!

Даша не выдержала и вышла в коридор. Настасья Филипповна в ночной сорочке, расшитой множеством разноцветных заплат, терлась у двери, сгорая от любопытства, и изобразила при виде соседки ужасный испуг.

Она никогда не забывала прикинуться дряхлой и беспомощной, но Даша в таких случаях оставалась бесчувственной. Она прекрасно знала, что все это – гениальная актерская игра. Коммуналка развила в Настасье Филипповне великий трагикомический талант. И, как большинство актрис, она отличалась трудным характером.

– Твой пришел... – шепотом сообщила она Даше.

– Мой уже не придет. – Девушка отстранила старуху и глянула в глазок. Свет на площадке был плохой, но все же она кое-как рассмотрела мужчину. И еще раз убедилась, что с ним незнакома.

– Откроешь, что ли? – спрашивала Настасья Филипповна.

– Постойте. – Даша накинула цепочку и отперла замки, украшавшие створки двери.

Старуха трусливо взвизгнула и подалась назад.

– Даша? – проник в прихожую голос. Вместе с голосом ворвалась струя ледяного воздуха и холодноватый запах духов. – Даша, это я, Игорь Вадимович. Впустите же, на пять минут.

– А нечего! – ввязалась соседка. – Вы бы совесть поимели, вся голова уже седая! Как не стыдно!

– Спокойно, – сказала Даша неизвестно кому и из чувства противоречия откинула цепочку.

Гость вошел, осторожно оглядываясь, и Настасья Филипповна пытливо сощурилась. Ей было на что посмотреть – незнакомец выглядел шикарно. Несколько обалдела и Даша. Она никак не предполагала, что Аркадий водил знакомство с подобными джентльменами.

В слабом свете пыльной лампочки, затерявшейся в высотах потолка, девушка разглядела длинное полупальто из светлой замши, широкие, мягко струящиеся брюки и добротную кожу ботинок. Несмотря на мороз, на госте не было ни шарфа, ни шапки, из чего она заключила, что Игорь Вадимович приехал на машине.

Настасья Филипповна потянула носом отчетливый запах, исходивший от гостя, – запах духов, мороза и денег, и молча убралась к себе. Дверь, правда, не заперла, обеспечив свободу бесшумного передвижения по квартире.

А Даша не двинулась с места. Она молча смотрела на визитера, пока тот, несмотря на свой самоуверенный вид, не смутился.

– Что же вы, Даша, так меня никуда и не проведете? – спросил гость, неуверенно оглядываясь, и указал на дверь ее комнаты: – Ваша? Можно?

– Заходите уж. – Девушка прошла вперед, несколько стесняясь убогой обстановки.

Игорь Вадимович нерешительно покружился по комнате – от окна к двери и от двери к окну. Остановился, прислушиваясь к скрипу кровати за стеной. Даша сидела отвернув голову и разговора начинать не собиралась.

Раздался кашель – легкий, произведенный с определенной целью – обратить на себя внимание. Она обернулась к гостю. Тот вздохнул.

– Сесть позволите?

– Пожалуйста. Куда угодно.

– Так. – Он опустился на дряхлый, продавленный стул. – А курить разрешите?

– Курите. – Она махнула рукой на стол. – Вон пепельница в углу.

– А вы? – спросил мужчина, и Даша с удивлением поняла, что он робеет.

«Что с ним? Мое красивое житье так подействовало на нервы? Кури уж, зануда, говори, с чем пришел, и убирайся!»

Однако ничего подобного она не высказала вслух – мешал респектабельный вид гостя. Девушка тоже робела, хотя не желала себе признаться в этом.

А мужчина тем временем оправился от непонятного смущения и приступил к делу.

– Я, Даша, прежде всего должен попросить у вас прощения за неожиданный визит.

– Вы просто ворвались сюда. Хотя теперь уже не важно. Пришли – так говорите.

– Да, – кивнул гость и потер рукой лоб. «Да что он так переживает? – продолжала удивляться Даша. – Может, не такой уж посторонний человек Аркадию... Но почему я ввязываюсь в разные истории? Неужели из-за неизжитых провинциальных замашек? Девочка, которая всех боится обидеть невежливым отказом и которую, в свою очередь, не боится обидеть никто. А этот-то чего боится?»

И она почему-то порадовалась, что за стеной чутко слушает их разговор Настасья Филипповна, хотя знала, что та на помощь не придет ни в коем случае.

– Не знаю даже, с чего начать... – Он закурил другую сигарету. – Вы меня, наверное, начнете обвинять...

– У меня голова болит, был трудный день. Хотя вас это, разумеется, не волнует. Так что говорите все, что хотите, начинайте с чего угодно, только по сути. Потому что если вы пришли просто поболтать – я сойду с ума.

Игорь Вадимович торопливо начал:

– Я каждый год езжу в Венецию на карнавал. Провожу там десять дней... – Он говорил извиняющимся тоном, словно ему было слегка неловко перед Дашей за свое преуспевание. – Это традиция.

– Прекрасная традиция, – отозвалась она. – Я уже предвижу, что было дальше. Вы по традиции поехали на карнавал и повстречались там с Аркадием. Верно? И сразу подружились? Он отличался умением заводить знакомства. Правда, разрушал он их тоже мастерски.

– Нет, назвать нас знакомыми будет очень смело, – пожал плечами гость. – Я ведь говорю вам, все длилось каких-то пять минут... Я провел в Венеции десять дней карнавала. Шестнадцатого февраля был последний день. Вернее, уже настал вечер. В тот вечер должна была начаться церемония срывания масок. После этого следует последняя разгульная ночь, и все кончается.

– Для некоторых – трагично, – кивнула Даша. Раз уж беседы избежать не удалось, она решила повнимательнее присмотреться к гостю. Красивый очерк лица, впрочем несколько обмякший под воздействием времени, а может, образа жизни. Теплые глаза, ухоженные руки. Одет шикарно. Игорь Вадимович тем временем продолжал:

– Да... В тот вечер... Я сидел в кафе. Тоже в маске, конечно. Без маски, знаете ли, нельзя. Неприлично. Сидел и ждал, когда меня наконец обслужат. Официант куда-то запропал, впрочем, это там в порядке вещей. Это было на площади Сан-Марко.

В этот миг она уловила в его рассказе новые интонации и заставила себя прислушаться внимательнее. Теперь Игорь Вадимович говорил странным, полузадушенным и словно виноватым голосом.

– Я ждал официанта и смотрел на площадь. Зрелище, знаете ли, изумительное. Именно поэтому я каждый год... – Он сам себя оборвал. – Да что это я! Итак, я сидел и смотрел на это вавилонское столпотворение. Вокруг звучало не меньше десятка разных языков, а может

– больше. Я ведь не отличу корейского от японского. У меня за время карнавала образовалась привычка – улавливать в этом разноязычном шуме звуки русской речи.

– О, так часто они встречаются? – невольно заинтересовалась Даша.

Игорь Вадимович с жалостью посмотрел на нее, и она вспыхнула: «Молчала бы уж, дура деревенская! Он дает тебе понять, что таким простушкам, как я, на карнавал не попасть, и они ни черта не понимают в жизни».

– Встречаются, – кивнул он.

– А вы там бываете как турист? – Даша быстро оправилась от смущения и уже вполне по-светски поддерживала разговор.

– Нет, мне случалось и по работе. Моя работа связана с искусством, если это вас интересует.

– Вот как... – кивнула она – Тогда я не удивляюсь, что вы познакомились с Аркадием.

– Здесь наша связь с искусством не имела никакого значения, – возразил он. – Все вышло случайно. Я сидел в кафе и ждал официанта...

...Он сидел в кафе на площади Сан-Марко и ждал, когда явится наконец официант. Того все не было, и ему уже начинало казаться, что он не придет никогда. На площади тем временем разворачивалось то, что он про себя называл «организованный бардак». От нечего делать он пытался разделить этот хаос на группы и старался выяснить, чем именно заняты составляющие их маски.

Первую группу он выделил без труда – очаровательная девушка, судя по фигуре – почти ребенок, в лиловой кружевной маске и с огромным веером из перьев вместо юбки, подвергалась упорному натиску нескольких масок, среди которых были монах, папа римский и сама смерть с жуткой гипсовой ухмылкой. Однако девушку это ничуть не смущало – напротив, она была безгранично счастлива. До него долетали обрывки ее восклицаний, и он понял, что это француженка.

Вторую группу составляли два парня. Один в средневековой итальянской одежде – камзол с перевязками, короткие панталоны и лиловые вышитые чулки. Длинные локоны – черные как смоль («как волосы Даши», – отмечал он теперь, рассказывая все это) – спускались юноше на плечи. Его обнимал другой, более потрепанный, с неприятным выражением тонких губ. Только губы и были видны из-под традиционной венецианской маски – длинной, белой, с огромным клювом. Из уголка этих улыбающихся губ обильно текла слюна, и он подумал, что парень пьян.

«Все пьяны. – Он с горечью глядел на площадь. – Все, кроме меня... Когда наступило время, что алкоголь перестал иметь для меня значение? Не стоит пить, если перестаешь испытывать опьянение».

Он думал еще и о том, что для него этот карнавал – ежегодное напоминание, что годы идут и он уже не так молод. «Хотя почему я быю тревогу в свои неполные пятьдесят? Все впереди, конечно... Страшно стареть, когда молодость прошла так прекрасно».

...И вот он сидел и смотрел на площадь. В этот миг в кафе произошло небольшое замешательство – появился официант, и все бросились делать заказы. Он немного опоздал подзывать официанта и теперь раздумывал, стоит ли ждать по новой.

Тут его внимание привлекло нечто творившееся на площади, перед самым входом в кафе. Из толпы возник смертельно бледный парень. В первый момент он подумал, как реалистично научились в Венеции делать маски. Эта белая маска, которая была на пришельце, великолепно передавала самые невообразимые сочетания чувств – отчаяние, страх, надежду. Но тут же Игорь Вадимович понял, что маски на парне нет. Таким оказалось его собственное, действительно очень бледное лицо. Одет парень был не по-карнавальному, буднично: куртка, джинсы, тяжелые ботинки английского образца. Дышал тяжело, загнанно и все время оглядывался по сторонам.

Игорь Вадимович наблюдал за ним с легким неудовольствием – в конце концов, в Венецию он приезжает, чтобы набраться впечатлений от местного колорита, от ничем не нарушаемого стиля карнавала.

«Венецианец умрет, чтобы добиться стиля, выглядеть соответствующим образом. А вот иностранцу – наплевать, – подумал он, глядя на парня. – Он даже не позаботился о маске. Скажите на милость – не снизошел. Правильно венецианцы делают, что колотят таких по башке. Наверное, ему уже надавали как следует в толпе, вот и заскочил сюда, как оглашенный».

Но парень поразил его еще больше, когда, постояв секунду возле стеклянных дверей, ринулся внутрь кафе и закричал не своим голосом: «Спасите! Помогите!» Закричал по-русски.

При этих словах Игоря Вадимовича Даша приподнялась с места.

– Вы хотите сказать... – прошептала она, – что он звал на помощь?

– Тогда я так не подумал, – виновато ответил тот. – Я, честно говоря, решил, что у парня хорошенький наркоманский бред. Он был невменяем, это я сразу заметил.

Действительно, вошедший был невменяем. Это заметил не только Игорь Вадимович, но и остальные посетители кафе. Заметили – и уже не обращали на парня внимания. Никто не порывался удалить нарушителя спокойствия. Да и о каком спокойствии могла идти речь во время карнавала, в особенности – в последний его день?

Но парень продолжал дико озиаться и призывать:

«Полиция! Пожалуйста!» Он даже хныкал при этом, как испуганный ребенок, и Игорь Вадимович не смог объяснить себе, что заставило его откликнуться на призыв незнакомца – жалость или стыд за поведение соотечественника? Так или иначе, он окликнул парня:

– Эй, друг! Ты что орешь?

Вопрос был задан по-русски, и тот кинулся к нему со всех ног. При этом чуть не упал, Игорю Вадимовичу пришлось помочь земляку усесться за стол. Но тому не сиделось, он ерзал на стуле и все порывался вскочить и высунуться в окно.

Игорь Вадимович рассматривал парня без особой симпатии. «Вот вам пожалуйста, молодой, симпатичный, а уже полутруп. Страшно смотреть. Какие круги под глазами. Для чего он приехал в Венецию? Разве ему есть дело до карнавала? У него свой собственный карнавал круглый год вертится в башке».

– Сами-то откуда? – попытался завязать разговор Игорь Вадимович.

Парень остолбенело посмотрел на него и вдруг всхлипнул. Однако всхлипывания эти были не слезной природы – ему не хватало воздуха, и он ловил его побелевшими, растрескавшимися губами.

– Что, совсем плохо? – Игорь Вадимович встревожился не на шутку.

– Нет, переживу... – Наркоман выдавил наконец из себя нечто связное: – Я из Питера.

– Я тоже, – слегка обрадовался Игорь Вадимович. – Может, вам лучше пойти в отель и полежать? Вас тут затолкают в таком-то состоянии...

– Мне уже никуда не уйти, – внезапно сказал парень. – Конец. Скорее! Возьмите!

Игорю Вадимовичу сперва почудилось, что у собеседника снова начался бред, но он тут же понял, что тот имел в виду – парень протягивал скомканную бумажку.

– Это что? – Игорь Вадимович даже не притронулся к ней.

– Адрес, – шептал парень. – Я написал адрес. Скажите ей, что я не хотел этого делать, это все Серджо... Скажите, что это сделали мне, пока я спал, а потом не мог остановиться.

– Что – это?! – не понимал Игорь Вадимович. – Объясните!

– Уколы! – Парень снова всхлипнул. – Скажите ей, а то она подумает... Что я... Сам...

Теперь ему снова не хватало воздуха. Он скорчился на стуле. Его трясло. Бумажку он бросил на стол, и она откатилась к бокалу граппы, наполовину пустому. Вино Игорь Вадимович допил, не сводя глаз с парня, бумажку не тронул. Отдышавшись, тот продолжал:

– И скажите ей еще, что они меня убили.

– Что? – воскликнул Игорь Вадимович, и какая-то маска захохотала у него за спиной.

Парень вздрогнул, он, впрочем, тоже. Они смотрели друг на друга, и Игорь Вадимович все больше убеждался, что земляк совершенно безумен. Безумны были речи, безумны жесты. Безумна дрожь, сотрясавшая его время от времени, и затишье, полное напряжение всех сил, в котором тот иногда пребывал. Только глаза были нормальны.

«Нормальны? – возразил тогда себе Игорь Вадимович. – Вряд ли нормально то, что они так спокойны, а сам парень в ужасном состоянии. А глаза у него... Как Балтика перед грозой...»

– Да, это был он, – неожиданно перебила его рассказ Даша. – Я теперь не сомневаюсь.

Ее лицо стало жестким, глаза светились нехорошим зеленоватым огнем.

– Значит, он спихнул на кого-то собственную вину? И попросил передать мне, что ни в чем не виноват? Зря он вас затруднял. Я и так поняла, что виноват он не был. Всегда оказывался виноват не он, а его собственная слабость. А его... – Она махнула рукой. – Его я не виню. Дайте сигарету, что ли...

Игорь Вадимович с готовностью встал, подошел и дал закурить. Постоял рядом, посмотрел на ее блестящие черные волосы, на мелко дрожащую руку, в которой была зажата сигарета. Сигарета внезапно упала на мраморный потрескавшийся подоконник, Даша немедленно подхватила ее и больше не роняла. На своего гостя она так и не взглянула; тот сам удивился, насколько это его задело. И продолжил рассказ.

– Как же вас убили, если вы живы и сидите передо мной «У Флориана»? – язвительно спросил он наркомана.

Тут парень неожиданно схватил его запястье. Серые глаза придвинулись совсем близко, и внезапно Игорь Вадимович почувствовал страх. Страх исходил от парня, как исходит запах духов. Некие флюиды ужаса сотрясали воздух вокруг него, делали его грозовым, наэлектризованным. Игорь Вадимович высвободил руку.

– Что вы себе позволяете? – спросил он с легким раздражением. – Я хочу позвать официанта.

– Минуту! – взмолился парень. – Минуту! Не зовите никого, послушайте меня! Возьмите адрес!

Он подобрал клочок бумаги, уже липкий от пролитого вина, и снова стал совать его в руку Игорю Вадимовичу. Тот решил не противоречить ненормальному и взять. «Потом выброшу», – подумал он. И еще подумал, что теперь навсегда отучится заговаривать с соотечественниками за рубежом.

– По этому адресу... Умоляю... – продолжал парень. – Стойте!

Теперь он кричал высоким, сорванным голосом («последствия наркотиков», – сразу отметил Игорь Вадимович) и указывал на площадь. Игорь Вадимович тоже посмотрел туда, но так и не понял, к кому относилось приказание парня стоять.

– Ну, что вы орете, отечество позорите! – иронически отметил он. – Что увидели?

– Маска!

В голосе парня звучал ледяной ужас, и Игорю Вадимовичу стало не по себе. Однако он рассмеялся:

– Скажете тоже – маска! Их там тысячи! Которая вам не понравилась?

Наркоман схватил голову руками и забормотал:

– Она сюда не войдет, правда? Не посмеет?

Игорь Вадимович возражать не стал и кивнул:

– Верно, не посмеет...

Парень продолжал вглядываться в толпу:

– Ее уже нет. Вы видели?

– Их там немало, – дипломатично заметил Игорь Вадимович и подумал, что для наркомана в таком состоянии Венеция должна быть источником невыносимых пыток.

«Сколько материала для страшных фантазий! – посочувствовал он земляку. Можно окончательно свихнуться... Бедняга!» И он спросил парня, как его зовут и где он остановился. Ему уже приходила в голову мысль, что надо нанять кого-нибудь и попросить отвести парня проспаться. «А утром ему станет полегче», – милосердно рассуждал Игорь Вадимович.

Он уже прикидывал, не сможет ли официант подыскать для этого подходящего человека, как парень снова лихорадочно заговорил:

– Аркадий. Меня зовут Аркадий, я живу у Джакометти, Палаццо-Грасси...

Игорь Вадимович все же дозволил официанта, сделал заказ и теперь попивал горячий пунш, не слишком внимательно слушая парня.

А тот все бормотал:

– Я скульптор. Работал у Джакометти. Палаццо-Грасси. Я не виноват. Я был обманут...

«Он говорит о себе словно с того света, – внезапно подумал Игорь Вадимович, – в прошедшем времени. «Я был. Я работал». Что с ним, в конце концов?»

И он напрямую спросил об этом Аркадия:

– Можете сказать, что случилось? Только без фантазий о маске. Что за маска, кстати? Что в ней такого ужасного? Тут, знаете ли, или все надо считать безобразным, или от всего приходиться в восторг. Я отношусь к последним. А вы не любите Венецию, как я понял. Если город дурно влияет на вас, не приезжайте больше. Вы скульптор? Джакометти... Я много слышал об этой мастерской.

Аркадий смотрел на площадь, и голос его звучал глухо. Он, казалось, слышал только самого себя и больше не заботился о том, придет ему кто-нибудь на помощь или нет.

– Вчера вечером я сделал два укола, утром еще один. Я уже не мог. Я хотел скорее вернуться домой. В Питер. Она спасла бы меня. Она бы простила. Но я пытался удержаться сам. Только не мог... – Теперь он едва шептал. – Скажите ей, что я не притрагивался к скульптурам. Ни одной не сделал. Мне не дали работать. Я раньше не понимал, а теперь понимаю...

Игорь Вадимович уже начинал прислушиваться. Больше всего его поражало отчаяние, звучавшее в голосе парня. Тот явно ощущал себя в пустыне, где ему предоставлена полная свобода умереть – без помощи, одному, в глухой тишине. И от этого становилось жутко. Парень продолжал:

– Я приехал с заказом на девять гротескных скульптур. Сделал традиционные эскизы, по карнавальным образам и маскам. Эскизы были хорошие... – Он странновато засмеялся. – А работать мне не удавалось. Серджи сманивал меня. Мы шли в город. Он познакомил меня с друзьями. Позже стало казаться, что это какой-то кошмар. Я хотел работать, я знал, что от этого зависит мое будущее... И ее будущее... Но не мог. Это был капкан. Когда я просил о помощи, мне отвечали, что у них слишком много заказов. Я ведь сам хотел, чтобы обучение происходило во время карнавала! – горько воскликнул он, несколько придя в себя. – Но разве я тогда понимал, что никто не станет обучать меня в такое время? Надо было быть полным идиотом... Надо было отказаться плясать под чужую дудку...

Он снова притих. Игорь Вадимович слушал, не отрывая глаз от его лица. Теперь это нервное, слишком бледное лицо казалось ему красивым, одухотворенным. Скульптор сам был похож на статую – если допустить, что у статуи из белого паросского мрамора могут быть такие грозные глаза.

– Я сам виноват... – продолжал Аркадий. – Пришла пора собираться домой, а я ничего не сделал. Вначале я подписал сопроводительный лист на отправку в Питер гротескных скульптур... – Его голос возвысился. – Слушайте меня, прошу вас!

Уговаривать Игоря Вадимовича было не надо – теперь он внимательно слушал.

– Я подписал, потому что они мне сказали, что им необходимо какое-то время, чтобы организовать отправку. Как раз к концу моей работы все документы будут готовы и статуи будут отосланы незамедлительно. Иначе сроки растянутся, как бывает у них в Италии. Мне-то что было до этого? Я согласился и подписал все, что они захотели. Но скажите ей, что я ни одной скульптуры не сделал!

Его голос зазвенел от ужаса.

– Что теперь будет – не знаю, – прошептал он затем. – Я хотел бы сделать все, что полагось, но не смог! Не знаю, на кого падет моя вина. Надеюсь, что ни на кого.

– Вы еще успеете сделать все, что захотите, – сказал Игорь Вадимович. Он проникся сочувствием к этому человеку, болевшему душой за свою работу.

«У нас в России всегда так, – подумал он. – Талант спивается или погибает другим образом. Этот парень – от новой отравы. А искусство лежит в руинах».

Аркадий безнадежно засмеялся. Это был истерический, слишком звонкий смех.

– Я никогда ничего не сделаю, – отчеканил он, успокоившись. – Меня сейчас убьют, если уже не убили.

– Какая чепуха... – пробормотал Игорь Вадимович. – Что вы говорите?

– Сегодня, – прошептал парень, – сегодня, когда я вышел от Джакометти... За мной увязалась одна маска. Я поздно заметил, она была уже слишком близко. Я только почувствовал...

Парень запрокинул голову. Его затрясло. Оправившись, он продолжал:

– Я бросился бежать от нее, но мне не удавалось. Я ослаб, двигался слишком медленно. Она шла за мной, ей даже не надо было бежать, чтобы все время находиться рядом. Золотое солнце вместо лица. Вокруг лучи... И синий или черный плащ со звездами и планетами.

Он говорил быстро, как в бреду. Остановившиеся глаза смотрели сквозь Игоря Вадимовича, и тому было так скверно, как никогда. «До чего можно довести себя, – думал он. – Не дай мне Бог сойти с ума...» И вздохнул. Парень заметил это и опустил голову.

– Мне плохо, – отрывисто сказал он. – Может, я еще убегу... А может, уже не имеет значения. Она преследовала меня, пока я не оказался на Сан-Марко. Тут она меня потеряла.

Вдруг парень вскочил и тут же рухнул обратно на стул. Лицо у него было такое, словно он увидел привидение.

– Вон она! Опять!

Игорь Вадимович невольно взглянул на площадь. Но ничего похожего на то, что описал ему парень, там не было. «Бред. И что за угрозу он видит в этой несчастной маске – непонятно. Почему считает, что уже убит?»

– Успокойтесь, – попросил он Аркадия. – Я вот ничего там не вижу!

– Да?... – неуверенно пробормотал тот. – Но я только что... Неужели показалось?

– Я уверен, что показалось, – успокаивающе произнес Игорь Вадимович. – Слушайте, отправляйтесь-ка бай-бай! Иначе эта ночь вам даром не пройдет. В канал свалитесь или еще что... И не думайте об этой несуществующей маске. Лучше купите себе какую-нибудь. И вас уже точно никто не узнает.

Игорь Вадимович вздохнул и закурил новую сигарету. Предложил Даше, но та отказалась.

– Все, что вы рассказали, – ужасно, – сказала она. – Полное разрушение личности. За какой-то месяц. Я боялась за него, но не знала, что бояться надо было настолько. Иначе не отпустила бы.

Тут же ей вспомнилось, что она не имела никакого права пускать или не пускать куда-то Аркадия, и ей стало еще горше.

– На этом все, я думаю? Он ушел?

– Ушел... – Игорь Вадимович помедлил, прежде чем произнести последние слова. – Он встал, не сказав мне больше ничего, и ушел. Я видел, как он вышел на площадь, купил первую попавшуюся маску у уличного торговца и исчез в толпе. Потом я снова посмотрел на площадь.

И тут увидел то, что привело меня к вам, несмотря на ваше совершенно обоснованное сопротивление. Но сегодня я подумал, не слишком ли дорого обходится наша безучастность... Нам и всем остальным.

– Я прошу вас. – Даша тревожно посмотрела на него. – Вы ведь не хотите сказать, что...

– По площади шла маска. – Голос Игоря Вадимовича упал, так что если Настасья Филипповна и подслушивала, то ничего не могла разобрать. – Та самая маска, которую мне описал Аркадий. Очень высокого роста, в широком синем шелковом плаще, с вышитыми на нем звездами и знаками Зодиака. Вместо лица у маски было золотое солнце. Впрочем, не так... – Он попытался объяснить. – У маски было лицо, золотое лицо, вокруг которого извивались либо щупальца, либо солнечные лучи. Да не в этом дело. Посмотрев на маску, я подумал, что бред Аркадия имел под собой некоторые основания. Маска была исполнена с высоким мастерством, но лицо... На нем застыла жуткая, издевательская ухмылка. Не знаю почему, но эта маска произвела на меня ужасное впечатление. Наверное, это произошло оттого, что Аркадий уже описал ее в подробностях и явно связывал с ней что-то страшное. Как я понял – свою смерть. Маска спокойно двигалась по площади, потом пропала из виду. В конце концов, там было столько масок...

Он развел руками и снова закурил. Даша молча смотрела в окно, зябко обхватив себя за локти. Наконец подала голос:

– Куда она пошла?

– Я не знаю, – с горячностью откликнулся собеседник. – Я не видел, куда двинулся Аркадий. Честно говоря, тогда мне удалось избавиться от неприятного чувства. Я сказал себе: маска действительно жутковатая, и я его понимаю. А все прочее – только его больные выдумки. От всего этого вечера у меня остался только ваш питерский адрес, Даша. Адрес и телефон, которые он заранее записал на бумажке. Теперь я думаю, он собирался вручить ее кому-нибудь, специально искал русского туриста. И попал на меня.

– Похоже на то, – отозвалась девушка. – Значит, он хотел, чтобы обо всем этом узнала я?

– Да, – кивнул он. – Но, как я понял...

– Я не жена ему, – резко ответила Даша. – Вы все поняли правильно. Я была его любовницей целый год и собиралась выйти за него замуж. Впрочем, это уже не важно и неинтересно. А его жена...

Она запнулась. «Стоит ли сообщать ему о смерти Аллы? Что-то я слишком расслабилась. Кто он такой, я по-прежнему не знаю. Вижу только, что денег у него куры не клюют и совесть есть. А может быть – нет... Откуда я знаю?»

– А зачем же вы все-таки позвонили мне? Разве от этого что-то изменилось бы? Даже в том случае, если бы он не умер?

– Но ведь он умер, – тихо ответил мужчина. – Вы мне сказали по телефону, и я сразу понял, что все его слова были не простым бредом. Тогда мне стало страшно. Ведь я мог ему помочь, но не сделал этого.

– Это единственный случай в вашей жизни? – Даша пристально смотрела на него, и он поразился ее жесткому взгляду. – А я, знаете, привыкла уже к таким вещам. Ко мне часто обращаются люди, которых я могла бы спасти, но я этого не делаю. Пример тому – жена вашего знакомого. Аркадия.

– Жена? – удивился он. – Но что с ней-то случилось? Вы с ней контактировали?

– Пусть это звучит цинично, но мы дружили. А что касается примера... На днях я зашла к ней поговорить об Аркадии. Она только что привезла из Венеции его тело. Она очень просила меня остаться на ночь, так, поболтать... Я отказалась. А на другой день обнаружила ее мертвой. Она лежала в ванне, в воде был фен, а дверь ее квартиры незаперта.

– Вот как... – Игорь Вадимович как-то странно смотрел на нее. – Пойдите, пойдите... От чего она умерла?

– От удара током. Бытовая смерть, несчастный случай. Надо уметь обращаться с электроприборами, так вам любой врач скажет. Ее тело сегодня увезли на вскрытие. Но результаты можно предугадать. После чего ее похоронят. Тихо-мирно, без шумихи. Как похоронили ее мужа.

– Даша, – тихо произнес собеседник. – Вразумите меня... Вы, значит, думаете...

– То же, что и вы, – быстро ответила она.

Они замолчали. Первым заговорил Игорь Вадимович:

– Ну что ж, – каждое слово как бы повисало в тишине, – тогда я пришел не зря.

Глава 6

Даша заварила чай, нарезала лимон, выставила на стол две чашки. Все это она делала словно во сне или по инерции. Игорь Вадимович воткнул в пепельницу очередной окурок и тихонько откашлялся, глядя на стену, смежную с комнатой Настасьи Филипповны. Даша поймала взгляд Игоря Вадимовича и усмехнулась:

– Ничего... Не страшно. Моей репутации вы не повредите. Соседка и так дурного мнения обо мне.

– Даша. – Гость так и не притронулся к чаю. – Вы все еще считаете, что мое вторжение было напрасным?

Она пожала плечами, подумала минуту, позванивая ложечкой о стенки чашки.

– Нет, вы совершенно правы, что пришли, – наконец ответила девушка. – Во всяком случае, теперь история приобрела новое значение. Теперь можно предположить... что он был убит.

– Только предположить? Но почему? Я, честно говоря, совершенно уверен, что он был убит, во всяком случае, ему помогли умереть. Кстати, ваша... – он деликатно смягчил значение этого слова, – подруга... Она ничего не сказала о том, где его нашли? Или он все-таки обратился в полицию?

Даша освежила в памяти сведения, сообщенные ей Аллой, и отрицательно покачала головой:

– Нет, полиция его нашла уже мертвым на берегу какого-то канала.

– Аркадий не был ограблен?

– Нет, деньги у него были при себе. И в той комнате, где он жил, как сказала его жена, деньги остались тоже.

– Вдвойне подозрительно, насколько я знаю Италию! Убит, но не ограблен... Дашенька, а как же его могли убить? Ведь вы сказали, что умер он от большой дозы наркотиков?

– Очень просто. – Даша оживилась: разговор перешел на профессиональную тему. – Насильственный укол. На его куртке были найдены две дыры от уколов шприцем и следы наркотика, причем очень дурного качества. Низкой возгонки, – отметила она как бы про себя. – Двух уколов, сделанных где-нибудь в толпе, было бы вполне достаточно, чтобы Аркадий через некоторое время умер.

Девушка пытливо посмотрела на Игоря Вадимовича. Тот слушал затаив дыхание.

– Я думаю, что, появившись перед вами в кафе, он уже подвергся одному уколу, – сказала она как можно холодней, хотя сердце у нее билось как бешеное. – Потому он и мог сказать вам, что скоро умрет, если уже не умер. Это его слова, правда ведь?

Дождавшись подтверждения, Даша продолжила:

– Второй, смертельный, укол он мог получить уже в другом месте. Причем найти того, кто сделал уколы, практически невозможно, тем более что все в масках, так ведь? Но тут есть тонкость. Надо ведь подобраться вплотную к жертве, наметить место, воткнуть иглу, сделать инъекцию. Выпустить весь шприц. Надо обладать большим хладнокровием, ведь в этот миг жертва может вырваться, напасть, позвать на помощь, в конце концов... И нужна твердая рука и большой опыт в этом деле. – Она нахмурилась. – Я бы сказала, что для подобного преступления понадобилась бы хорошая медсестра.

– Такая, как вы? – неожиданно отозвался Игорь Вадимович, и Даша вдруг сообразила, что мучило ее весь вечер. «Спросить – не спросить?»

Она еще с минутку потерзалась этой проблемой и решила все же выяснить отношения до конца. С простодушным видом, несколько не вязавшимся с ее предыдущими словами, она задала вопрос:

– А откуда вы узнали, что я медсестра? Вы ведь еще по телефону говорили, что люди моей профессии не любят анонимных звонков. Вы знали, кто я и где работаю. Неужели он вам сказал? Вы об этом не обмолвились!

Мужчина удивленно посмотрел на нее и вдруг улыбнулся:

– Как трудно мне будет войти к вам в доверие! – Теперь он казался усталым, осунувшимся, даже более седым, чем на самом деле. – Дашенька, я же не пересказал вам буквально все, что говорил мне Аркадий. Передал вам только самую суть...

Она сочла его объяснения достаточными. Помяла в пальцах край скатерти, попросила у Игоря Вадимовича еще одну сигарету. За всю ее жизнь это была, может быть, десятая. Предыдущие восемь были выкурены после отъезда Аркадия в Италию. Он забыл у нее ополовиненную пачку.

– Что ж... – размышляла Даша. – Внешне его смерть выглядела совершенно обыденно. Дело в том, что наркотики и он... Это было очень даже совместимо, ни у кого не возникло вопроса: а почему он превысил дозу, а почему вообще кололся, почему умер на улице, сделал укол через куртку... – Она невесело усмехнулась: – Даже его жена не увидела в этом ничего странного. Никто уже не верил в него, как в человека, понимаете меня? Любой наркоман становится пугалом для своих близких, они считают, что тот способен на все. А я полагала, что уколы через одежду – это слишком для него. Конечно, иногда он доводил себя до ужасного состояния, но какие-то рамки поведения все же соблюдал. Поэтому эта история была для меня полным крахом. Крахом веры в него, понимаете? – Она разгорячилась, впервые получив возможность объясниться на эту тему. – А в него нельзя было не верить, несмотря на его выходки.

– Понимаю, – довольно сдержанно ответил Игорь Вадимович. – Он был очень вам дорог.

– Ну конечно, – просто откликнулась Даша, не испытав при этом ни малейшего смущения, что задело Игоря Вадимовича.

Но девушка этого не заметила. Она пустилась в новые расспросы:

– А вы смогли бы опознать ту маску? С солнцем вместо головы? Такие маски еще были на карнавале?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.